

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени И. Ф. Шилова»

М. Р. Каршиев

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ МЕХАНИЗМОВ СОДЕЙСТВИЯ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ**

Методические рекомендации

Хабаровск
ДВЮИ МВД России
имени И. Ф. Шилова
2026

УДК 343.13
ББК 67.410.2
К201

Издается по решению редакционно-издательского совета
Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова

Рецензенты:

А. И. Бельский, начальник кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина, канд. юрид. наук, доц.;
О. И. Долгачева, начальник кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России, канд. юрид. наук, доц.

Каршиев, М. Р.

К210 Использование следователем механизмов содействия при реализации мер уголовно-процессуального принуждения : методические рекомендации / М. Р. Каршиев ; Дальневост. юрид. ин-т МВД России имени И. Ф. Шилова. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова, 2026. – 58 с.
ISBN 978-5-9753-0611-1

В методических рекомендациях рассматриваются вопросы организационно-практического обеспечения деятельности по оказанию содействия следователю в процессе реализации мер уголовно-процессуального принуждения. Особое внимание уделено функциональной роли различных участников уголовного судопроизводства, а также ведомств и служб, привлекаемых следователем на стадии предварительного расследования с целью эффективного применения предусмотренных законом принудительных мер.

Рекомендации предназначены для использования в учебном процессе образовательных организаций системы МВД России, в том числе при профессиональной подготовке и повышении квалификации.

В работе систематизирован и обобщён комплекс теоретических положений и практико-ориентированных подходов, необходимых для правомерного и целенаправленного содействия следователю при применении привода, наложении ареста на имущество, временном отстранении от должности, денежном взыскании и при других предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации мерах процессуального принуждения.

Методические рекомендации адресованы курсантам и слушателям образовательных организаций системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

**УДК 343.13
ББК 67.410.2**

ISBN 978-5-9753-0611-1

© ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России
имени И.Ф. Шилова, 2026
© Каршиев М. Р., 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Сущность оказания содействия следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения	5
1.1. Понятие, цели и задачи мер уголовно-процессуального принуждения	5
1.2. Понятие и виды содействия следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения	15
2. Содействие следователю при реализации мер уголовно-процессуального принуждения	20
2.1. Оказание содействия следователю при применении мер пресечения	20
2.2. Оказание содействия следователю при применении иных мер процессуального принуждения	35
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	43
Список использованных источников	46
Приложения	50

ВВЕДЕНИЕ

Современное уголовное судопроизводство характеризуется усложнением процессуальных форм, расширением спектра мер уголовно-процессуального принуждения и многосубъектным характером их исполнения. В этих условиях повышается значимость профессионально организованного, правомерного и своевременного содействия следователю со стороны различных участников уголовного процесса. Меры принуждения как элемент обеспечения эффективности предварительного расследования, выступают не только средством пресечения деструктивного поведения субъектов уголовного судопроизводства, но и важнейшим инструментом достижения целей уголовного преследования.

Между тем правовой механизм содействия следователю при реализации мер уголовно-процессуального принуждения остается недостаточно исследованным как в научной литературе, так и в прикладном аспекте. Имеющиеся нормы нередко не отражают всей полноты межведомственного взаимодействия, а судебная и следственная практика демонстрируют отсутствие единого подхода к исполнению таких решений. Отдельные меры принуждения – например, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, привод, денежное взыскание – не сопровождаются разработанными и нормативно закрепленными алгоритмами исполнения. Особенно это касается случаев, когда эффективность принудительных процедур напрямую зависит от согласованных действий органов дознания, оперативных подразделений, должностных лиц ФССП России, органов местного самоуправления и иных должностных лиц.

В этой связи изучение возможностей и механизмов содействия следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения приобретает не только теоретико-правовую, но и выраженную практическую значимость.

1. Сущность оказания содействия следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения

1.1. Понятие, цели и задачи мер уголовно-процессуального принуждения

Публичный характер уголовно-процессуального права обуславливает применение в ней преимущественно императивного метода правового регулирования, основным инструментом которого выступает государственное принуждение.

Каждая уголовно-процессуальная процедура направлена на достижение процессуального результата в форме своевременного, законного, обоснованного и мотивированного решения. Нарушение установленного процессуального порядка на любой стадии уголовного судопроизводства способно повлечь нарушение прав участников процесса и в конечном итоге – недостижение целей уголовного судопроизводства.

Процессуальные нарушения могут подорвать законность своевременного принятия ключевых процессуальных решений по уголовному делу, что, в свою очередь, влечет признание доказательств недопустимыми, они теряют юридическую силу, что препятствует реализации назначения уголовного судопроизводства – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений, а также защиты личности от необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод.

Следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [7] не содержит прямого закрепления целей и задач уголовного судопроизводства. Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, отметим, что, на наш взгляд, является существенным законодательным упущением. Представляется обоснованной позиция, согласно которой целью уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступных посягательств, наряду с обеспечением гарантий прав обвиняемого и других участников процесса.

Достижение указанной цели обеспечивается посредством решения совокупности задач: полного, объективного и всестороннего расследования обстоятельств уголовного дела; разрешения дела в строгом соответствии с законом; обеспечения исполнения вынесенного судебного решения, а также выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления.

В этой связи эффективность уголовного судопроизводства детерминруется не только качеством нормативного регулирования, но и степенью рационального и правомерного применения процессуального принуждения как механизма обеспечения надлежащего поведения участников уголовного процесса.

Оперативное вмешательство правоприменительных органов в регулируемую уголовно-процессуальным правом сферу общественных отношений реализуется через институционально закреплённые формы воздействия, ключевую роль среди которых играют меры процессуального принуждения. Последние

представляют собой правовые средства, направленные на обеспечение исполнения обязанностей и реализацию участниками уголовного процесса нормативных предписаний, установленных, в том числе, в ст. 6 УПК РФ.

Как обоснованно указывает Н. В. Романенко, «сфера уголовно-процессуальных отношений сопряжена с широким и интенсивным применением мер процессуального принуждения, вплоть до ограничения неотъемлемых конституционных прав личности» [53, с. 24–28]. Применение таких мер является неизбежным следствием публично-правовой природы уголовного судопроизводства, в рамках которого интерес государства в раскрытии преступлений, установлении истины и привлечении виновных к ответственности должен соотноситься с индивидуальными правами личности.

Эмпирический опыт следственной и судебной практики подтверждает: без применения мер государственного принуждения невозможно обеспечить полноту, всесторонность и объективность предварительного расследования. Вместе с тем любое вмешательство в сферу личной свободы, частной жизни, имущественных прав должно соответствовать принципу соразмерности, о чём неоднократно указывалось в решениях Конституционного Суда РФ.

Процессуальное принуждение в юридико-догматическом смысле – это обусловленная нормами уголовно-процессуального права форма государственно-властного воздействия, осуществляемая по инициативе уполномоченного субъекта (дознателя, следователя, прокурора, суда) в порядке, строго установленном законом, в целях обеспечения исполнения обязанностей и устранения препятствий к нормальному ходу уголовного судопроизводства. При этом оно носит персонализированный, правоприменительный характер и требует правового обоснования каждого конкретного случая его применения.

В доктрине выделяется несколько подходов к легитимации применения принудительных мер до момента судебного установления вины. Одним из наиболее аргументированных представляется концепт процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства, основанный на балансе прав и обязанностей [46, с. 37–38]. Согласно позиции С. И. Вершининой, «сам факт наличия мер принуждения свидетельствует о том, что в правовом статусе участников судопроизводства заложен комплекс обязанностей, требующих гарантий надлежащего соблюдения. Принуждение допустимо там, где заканчиваются права и начинаются обязанности субъекта» [27, с. 90–98].

Следует подчеркнуть, что структура обязанностей участников процесса – неотъемлемый элемент правового положения. Исходя из системного понимания положений УПК РФ, на подозреваемого и обвиняемого законом возлагаются, в частности, следующие процессуальные обязанности:

- воздерживаться от продолжения противоправной деятельности;
- являться по вызову следователя, дознавателя, прокурора и суда;
- не препятствовать производству следственных действий и не оказывать давления на других участников уголовного процесса;
- обеспечивать сохранность имущества, признанного вещественными доказательствами;

– возмещать причинённый ущерб, включая как материальный, так и моральный вред [60, с. 297–300].

Однако на иных участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, экспертов, переводчиков, понятых) также возлагаются определённые обязанности, неисполнение которых может влечь применение мер процессуального принуждения. Например, обязанность явки (ст. 113 УПК РФ), дачи правдивых показаний (ст. 51 Конституции РФ, ст. 56 УПК РФ), сохранения тайны предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ) и др.

Следует отметить, что при добросовестном участии в уголовном процессе и соблюдении предписанных законом обязанностей, меры принуждения по отношению к субъекту утрачивают свою актуальность. Именно это позволяет говорить о высоком уровне легитимности уголовного судопроизводства, при котором государственное вмешательство оправдано целями правосудия и не нарушает сущностное содержание основных прав и свобод человека и гражданина.

Добровольное исполнение обязанностей, возникающих у лица в связи с приобретением им специального правового статуса участника уголовного судопроизводства, представляет собой нормальную форму реализации правосознательного поведения и не может расцениваться как ограничение правоспособности либо унижение человеческого достоинства. Следовательно, применение принудительных мер допустимо исключительно в случаях, когда зафиксирован юридически значимый факт неисполнения процессуальных обязанностей либо имеется высокая вероятность наступления такого события, подкреплённая объективными обстоятельствами.

Как справедливо подчёркивает К. С. Комарова, «самые серьёзные ограничения прав личности на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе возникают при задержании и применении заключения под стражу в качестве меры пресечения» [40, с. 26–27]. Эти меры, носящие характер максимального вмешательства в сферу личных прав и свобод, требуют особой правовой аргументации и строгого соблюдения принципа соразмерности.

Отношение участников уголовного процесса к исполнению процессуальных обязанностей зависит от множества факторов: степени их заинтересованности в исходе дела, степени моральной вовлечённости, особенностей правосознания, правовой культуры и социального статуса. Несомненно, стимул к добросовестному участию в процессе может основываться на внутренней мотивации: чувстве долга, уважении к закону, осознании значимости участия в правосудии. В таких случаях необходимость применения принудительных мер отпадает, что подчёркивает: решающим фактором в вопросе применения процессуального принуждения является не только поведение субъекта, но и его волевые и нравственные качества.

Тем не менее, когда участник процесса нарушает предусмотренные УПК РФ обязанности – уклоняется от явки, скрывает сведения, имеющие значение для дела, оказывает давление на свидетелей, уничтожает доказательства и т. п., – органы предварительного расследования вправе применить к нему меры процессуального принуждения. Таким образом, фактическим основанием для

применения принудительных средств служит реальное несоблюдение процессуального порядка, зафиксированное в рамках конкретного производства.

Однако результаты исследования правоприменительной практики, изучения подзаконных нормативных актов, в том числе постановлений Правительства РФ, показывают, что в ряде случаев принудительные меры, реализуемые как санкции за уже совершённое нарушение, оказываются неэффективными. Особенно это проявляется в ситуациях, когда участник уголовного судопроизводства, нарушив установленный порядок, уже нанёс ущерб интересам следствия, например, уничтожив доказательства, повлияв на свидетелей или иным образом затруднив установление истины. В подобных обстоятельствах применение принуждения постфактум утрачивает смысл как способ обеспечения задач уголовного судопроизводства.

В связи с этим в теории уголовного процесса и в практике предварительного расследования обоснованно признаётся существование превентивной функции процессуального принуждения. Речь идёт о применении мер, направленных не на пресечение уже совершённого нарушения, а на предупреждение возможного, когда у правоприменителя имеются объективные данные о высокой вероятности неправомерного поведения со стороны конкретного участника.

В этой связи меры процессуального принуждения в ряде случаев выступают в качестве форм превентивной защиты уголовного судопроизводства от предполагаемых угроз, исходящих от его участников. Такое применение не противоречит принципу презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ [1]; ст. 14 УПК РФ), поскольку не является выражением обвинительного уклона, а направлено на обеспечение надлежащего исполнения процессуальных функций участниками уголовного процесса.

Следует отметить, что аналогичные правовые конструкции зафиксированы и в других отраслях процессуального законодательства. Так, в административном, гражданском и арбитражном судопроизводстве предусмотрены меры, применяемые в целях обеспечения порядка рассмотрения дела, исполнения решений или сохранения предмета спора:

- меры обеспечения производства по делу (гл. 27 КоАП РФ) [6];
- обеспечительные меры (гл. 8 АПК РФ) [3];
- меры обеспечения иска (ст. 139–144 ГПК РФ) [4];
- меры предварительной защиты по административному иску (ст. 76 КАС РФ) [5].

Во всех перечисленных случаях реализация принудительных мер может не быть непосредственно связанной с фактом нарушения, но быть вызвана необходимостью сохранения баланса интересов сторон, защиты прав и свобод участников процесса, а также обеспечения надлежащего отправления правосудия.

В контексте уголовного судопроизводства подобный подход подчеркивает профилактическую направленность принудительных средств. Они реализуются в форме временных ограничений, направленных на предотвращение возможных препятствий для установления истины, восстановления нарушенных прав, а также поддержания порядка в процессе доказывания.

Поэтому меры процессуального принуждения являются не только средством обеспечения правовой дисциплины, но и важным элементом стратегии управления рисками, сопряжёнными с противодействием субъектов уголовного процесса целям правосудия.

В УПК РФ меры процессуального принуждения систематизированы по трем основным группам:

- задержание подозреваемого (глава 12 УПК РФ);
- меры пресечения (глава 13 УПК РФ);
- иные меры процессуального принуждения (глава 14 УПК РФ).

Данные меры различаются по степени воздействия на личность, юридическим последствиям, а также по основаниям и порядку применения. Однако подход, базирующийся исключительно на формальном нормативном перечне, представляется ограниченным, поскольку не охватывает всего многообразия принудительного воздействия, реализуемого в рамках уголовного судопроизводства.

Если рассматривать понятие «принуждение» в более широком правовом значении, то можно утверждать, что практически любое действие со стороны уполномоченного должностного лица, являющегося властным «профессиональным» участником уголовного судопроизводства, – следователя, дознавателя, прокурора или судьи, сопряженное с воздействием на волю и поведение участника процесса и сопровождающееся элементами властного предписания, носит признаки принуждения. Такое расширительное толкование согласуется с концепцией правового принуждения как формой властного воздействия, направленного на обеспечение правопорядка и соблюдение закона в условиях конфликта между частными и публичными интересами.

В данном случае отдельные следственные действия, судебные распоряжения, удаление участников из зала заседания за нарушение порядка (ст. 258 УПК РФ), установление обязательств (например, о неразглашении данных предварительного расследования) и иные действия могут рассматриваться как формы принудительного воздействия несмотря на то, что формально они не включены в перечень мер процессуального принуждения. Эти действия различаются по характеру, цели, субъекту применения и юридическим последствиям, что требует дальнейшей классификации внутри института принуждения.

Доктрина подтверждает необходимость более широкого подхода к определению сущности процессуального принуждения. Так, Н. И. Капинус отмечает, что «принуждение в широком смысле охватывает в уголовном процессе практически все виды воздействия на субъектов процессуальных правоотношений» [37, с. 77–84]. Он предлагает рассматривать в рамках данной категории не только традиционные меры процессуального характера, но и иные формы юридической ответственности: уголовную, гражданскую, административную и дисциплинарную, которые могут быть реализованы в пределах уголовно-процессуального регулирования.

Однако, с нашей точки зрения, указанные виды юридической ответственности обладают самостоятельной отраслевой природой и выполняют преимущественно вспомогательную функцию в уголовном судопроизводстве, обеспечивая, но не являясь средствами непосредственного воздействия на поведение

в рамках уголовного процесса. Их включение в перечень мер процессуального принуждения допустимо лишь с позиции функционального подхода, и только в аспекте их применения в процессе доказывания, сохранности доказательств и исполнения процессуальных решений, обеспечения явки, установленного порядка производства по уголовному делу, выполнения обязанностей, пресечения противоправного, в том числе преступного поведения.

В юридической литературе высказываются также полярные взгляды относительно метода воздействия, лежащего в основе уголовного судопроизводства. Некоторые исследователи полагают, что ключевым средством является убеждение, а принуждение занимает второстепенное место [38, с. 77–84]. Однако подобная позиция не учитывает сущностную специфику уголовно-процессуальных отношений, в которых участие большинства субъектов осуществляется не по их воле, а в силу обязанности, установленной законом. В этих условиях принуждение выступает не исключением, а основной формой обеспечения исполнения процессуальных обязанностей и достижения целей правосудия.

Природа уголовного судопроизводства изначально базируется на публичных началах, включающих реализацию функции уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ). В этой связи ограничение прав граждан в интересах защиты общества и государства – явление не только допустимое, но и неизбежное. В соответствии с теорией общественного договора индивид передает часть своих прав государству, которое, в свою очередь, обязуется использовать эти полномочия в целях обеспечения правопорядка, в том числе и при наличии сопротивления со стороны отдельных субъектов правосудия.

С позиции общей теории права институт процессуального принуждения может быть отнесён к разновидностям государственного принуждения, которое, как подчеркивал В.Д. Перевалов, представляет собой «комплекс психологических, материальных, насильственных форм воздействия полномочных органов и должностных лиц государства на личность, принуждающий её действовать в интересах государства» [58, с. 132–133].

Наиболее системно принципы и признаки государственно-правового принуждения сформулировал С. С. Алексеев, в понимании которого легитимное принуждение должно соответствовать следующим критериям:

- а) подчинение общим правовым принципам;
- б) универсальность действия на территории всей страны;
- в) нормативная определенность содержания, условий и пределов применения;
- г) реализация через механизм прав и обязанностей;
- д) обеспечение развитой процедурной формой [19, с. 267–268].

Следовательно, меры процессуального принуждения в уголовном процессе обладают признаками институализированного, нормативно урегулированного, властного воздействия, реализуемого в рамках публично-правовых отношений. В совокупности они представляют собой инструмент государственной реакции на действия (или бездействие) субъектов, создающих препятствия для эффективного осуществления задач уголовного судопроизводства.

В этой связи, с позиций общей теории права, уголовно-процессуальное принуждение следует рассматривать как особую форму государственного воздействия, направленную на обеспечение исполнения закона, восстановление процессуального порядка и реализацию целей правосудия путём временного, строго регламентированного ограничения индивидуальных прав и свобод лица.

Анализ современной уголовно-процессуальной доктрины свидетельствует о том, что большинство ученых едины во мнении: сфера реализации является одним из ключевых признаков мер уголовно-процессуального принуждения [39, с. 16–17; 43, с. 19–20; 63, с. 15; 57, с. 257–258; 55, с. 168; 22, с. 162–163]. Указанный признак отражает не только пределы действия принудительных механизмов, но и нормативно установленные процессуальные ситуации, в которых такие меры допустимы.

Существенными признаками мер уголовно-процессуального принуждения, согласно мнению ряда авторитетных исследователей, также являются:

- ограниченный и нормативно закреплённый перечень субъектов, в отношении которых возможно применение принуждения;
- строгая регламентация объективных условий и оснований, включая принцип соразмерности, пределы допустимого вмешательства и установленный порядок реализации;
- осуществление принудительных действий исключительно компетентными государственными органами, обладающими необходимыми процессуальными полномочиями [38, с. 77–84].

Н. И. Капинус подчёркивает, что «необходимость строгой регламентации уголовно-процессуальным законом круга лиц, имеющих право применять меры принуждения, оснований, условий, пределов и порядка их использования, обусловлена тем, что существенные ограничения прав и свобод лиц, вызванные применением мер принуждения, должны быть минимальными и действительно необходимыми» [38, с. 77–84].

В отличие от иных процессуальных инструментов, меры принуждения характеризуются властным, принудительным характером и направлены на преодоление волеизъявления лица, сопротивляющегося исполнению своих процессуальных обязанностей. Их сущность кроится в более широкой правовой категории – институте государственного принуждения, реализуемого в рамках публично-правовых отношений.

При этом ведется научная дискуссия относительно природы отдельных мер. Например, обязательство о явке – мера, вызывающая сомнения с точки зрения отнесения к принудительным, если рассматривать принуждение исключительно как физическое или материальное воздействие. Она не оказывает прямого воздействия на волю или имущественные интересы лица, будучи по своей сути предписанием, нарушение которого влечёт уже иные последствия (например, привод – ст. 113 УПК РФ).

И. Ф. Демидов утверждает, что ключевым элементом принуждения является психологическое воздействие на волю субъекта, а сама угроза наступления неблагоприятных последствий при неисполнении обязанностей образует сущность принудительного механизма [29, с. 41]. Однако такая точка зрения, по

нашему мнению, размывает границы между мерами принуждения и средствами убеждения, поскольку воздействие на сознание, лишённое властного элемента и санкции, не может быть приравнено к юридическому принуждению в строгом смысле.

В этом контексте представляется более обоснованной позиция Н. И. Капинуса, согласно которой наличие согласия субъекта на применение к нему меры принуждения не устраняет её принудительный характер, поскольку принуждение вытекает не из субъективного восприятия, а из нормативного механизма, установленного уголовно-процессуальным законодательством. Таким образом, даже если лицо добровольно соглашается на меру ограничения, она сохраняет характер государственно-принудительного воздействия, поскольку возможность её применения предусмотрена законом, а правоограничительный эффект всё равно наступает.

Важным является также целевое назначение мер уголовно-процессуального принуждения, не имеющее прямого легального закрепления. Вместе с тем, о целях мер принуждения можно говорить, исходя из буквального и системного понимания (толкования) ст. 91, 97 УПК РФ. В то же время цели применения отдельной группы мер процессуального принуждения, иных мер, установлены в ч. 1 ст. 111 УПК РФ, они применяются в целях:

- обеспечения установленного законом порядка уголовного судопроизводства;
- надлежащего исполнения приговора [41, с. 182–185].

Однако указанная формулировка не охватывает всего спектра процессуальных ситуаций, в которых осуществляется принудительное воздействие. Возникают логичные вопросы о правовой природе таких действий, как предупреждение о недопустимости нарушений порядка, удаление из зала судебного заседания, или применение мер к лицам, нарушающим распоряжения председательствующего, в ходе судебного разбирательства. Эти действия, обладая всеми признаками принуждения, не включены в перечень, что свидетельствует о системной недостаточности нормативного регулирования в части классификации и целей иных мер процессуального принуждения.

Дополнительной проблемой, о которой мы упоминали ранее, является отсутствие в УПК РФ четкого указания на цели и задачи уголовного судопроизводства в целом. Несмотря на то, что статья 6 УПК РФ фиксирует «назначение» уголовного процесса, отсутствует ясная иерархия целей, задач и функций, что затрудняет интерпретацию целевой направленности всех процессуальных институтов, включая принуждение.

Некоторые ученые полагают, что отказ законодателя от закрепления задач уголовного судопроизводства носит осознанный характер, что якобы позволяет сохранить гибкость правоприменения и избежать конфликтов при оценке целей различных процессуальных действий [24, с. 7; 23, с. 64; 34, с. 28–35; 44, с. 72; 52, с. 348; 56, с. 12]. Однако с этим подходом трудно согласиться. Отсутствие четкой целевой системы приводит к размытости критериев допустимости и необходимости вмешательства в сферу прав личности, а также усложняет судебный и прокурорский контроль за правомерностью применения принудительных мер.

В научной литературе термин «назначение уголовного судопроизводства» нередко подменяется категориями функций и задач. Так, В. О. Белоносов и Н. А. Громов указывали, что «первоначальной и более главной задачей уголовного судопроизводства является раскрытие преступления. И только в ходе решения этой задачи, а также по её результатам обеспечивается защита лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод» [21, с. 98–102].

Таким образом, в условиях отсутствия чёткой целевой модели уголовного судопроизводства, принудительные меры оказываются в сложной правовой ситуации, когда их применение требует не только строгой формальной правовой регламентации, но и правового обоснования на уровне целей и задач уголовного правосудия. Это влечёт необходимость системной научной и законодательной доработки как самого института процессуального принуждения, так и общей теоретической базы уголовно-процессуального регулирования.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой особую форму государственно-властного воздействия, применяемого в рамках публично-правовых отношений с целью обеспечения исполнения процессуальных обязанностей, соблюдения порядка уголовного судопроизводства и реализации задач правосудия.

Указанные меры, с одной стороны, имеют чёткую правовую регламентацию в УПК РФ, что предполагает их условную классификацию (задержание, меры пресечения, иные меры принуждения), а с другой – характеризуются многообразием форм и проявлений, не всегда формализованных в законе, но выполняющих ту же обеспечительную функцию. Расширительное понимание сущности процессуального принуждения позволяет включать в его состав и иные властные действия, направленные на ограничение прав лица при наличии соответствующих законных оснований и процессуальных гарантий.

Целеполагание в контексте применения таких мер также требует осмысления, хотя формально в ст. 111 УПК РФ установлены специальные цели, отдельные группы мер принуждения (обеспечение порядка и исполнение приговора). На практике принуждение выполняет более широкий функционал – защиту интересов правосудия, предупреждение нарушений, нейтрализацию угроз для установления истины и обеспечения справедливости.

Ключевым критерием признания меры процессуального воздействия принудительной является не субъективное восприятие лицом её характера, а факт правового ограничения его свобод и прав, установленного нормативно и применяемого вопреки воле субъекта. В связи с этим добровольность исполнения процессуальных обязанностей не исключает правовой природы принуждения, если закон предусматривает возможность применения санкции.

Отсутствие в УПК РФ чётко сформулированных целей и задач уголовного судопроизводства негативно влияет на системность применения мер принуждения и затрудняет проведение их правовой оценки. Указанное обстоятельство требует законодательного уточнения понятийного аппарата и выстраивания внутренне непротиворечивой концепции уголовного судопроизводства, в том числе

в аспекте соотношения его назначения, функций, задач и допустимых правовых средств.

В уголовно-процессуальной системе меры принуждения выполняют обеспечительную, регулирующую и гарантийную функции, направленные на достижение целей правосудия, эффективное расследование преступлений и защиту прав всех участников уголовного судопроизводства.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы

1. Меры уголовно-процессуального принуждения – это предусмотренные законом государственно-властные действия, реализуемые уполномоченными органами вопреки или вне зависимости от воли участников уголовного процесса, направленные на обеспечение установленного порядка досудебного и судебного производства.

Они выражаются в форме временного ограничения конституционных прав и свобод лица, преследуют охранительно-обеспечительные цели и подлежат строгому правовому регламенту, будучи реализуемыми исключительно на основе закона, мотивированного решения и при наличии предусмотренных оснований.

2. Основные цели применения мер принуждения определяются ст. 6, 91, 97, 111 УПК РФ, а также доктринальным толкованием и практикой правоприменения. Среди них выделяются:

- обеспечение установленного порядка уголовного судопроизводства;
- принуждение лица к выполнению процессуальных обязанностей (явке, предоставлению информации, неуклонному соблюдению установленных запретов);
- недопущение воспрепятствования расследованию (через сокрытие, давление на свидетелей, уничтожение доказательств и др.);
- предупреждение новых преступлений со стороны подозреваемого или обвиняемого;
- обеспечение исполнения судебных решений (в том числе приговора, гражданского иска, конфискации имущества).

3. Задачи указанных мер раскрываются в функциональном аспекте как средства обеспечения эффективности расследования. К ним относятся:

- 1) установление местонахождения подозреваемого или обвиняемого и обеспечение его участия в следственных действиях и судебных заседаниях;
- 2) сохранение вещественных доказательств и имущества, подлежащего конфискации или аресту;
- 3) создание условий для полноценного собирания доказательств, в том числе предотвращение их сокрытия, искажения или уничтожения;
- 4) обеспечение безопасности участников процесса, в том числе защиты потерпевших и свидетелей;
- 5) формирование условий для правовой дисциплины среди участников процесса и устранение злоупотреблений правами.

Таким образом, меры уголовно-процессуального принуждения необходимо рассматривать не только как технический инструмент обеспечения порядка, но и как правовой механизм, соразмерный общественной опасности

и направленный на достижение целей правосудия при условии соблюдения конституционных прав и свобод личности.

1.2. Понятие и виды содействия следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения

Понятие «содействие» в русском языке происходит от древнерусского «действие» (действие, деяние) с приставкой «со-», указывающей на совместность, сопричастность. Поэтому уже в своей этимологической основе это слово указывает на активное участие субъекта в действиях другого с целью помочь, облегчить, ускорить или сделать более результативным ход определённого процесса.

В правовой плоскости термин «содействие» наполняется дополнительным содержанием: оно становится формой координированного, регламентированного взаимодействия, направленного на достижение процессуально значимых целей.

В уголовном процессе содействие следователю – это не просто элемент доброжелательного участия, но структурно встроенный в механизм уголовного судопроизводства институт, закреплённый в нормах УПК РФ. При этом его значимость особенно ярко проявляется в рамках применения мер уголовно-процессуального принуждения – таких как задержание, привод, наложение ареста на имущество, временное отстранение от должности, домашний арест и другие.

Содействие органа дознания следователю приобретает нормативно установленный характер и реализуется как самостоятельная процессуальная форма, заключающаяся либо в исполнении поручений следователя, либо в его непосредственном участии в проведении следственных и иных процессуальных действий, что прямо предусмотрено п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Однако важно подчеркнуть, что содействие следователю при применении мер принуждения – это не просто выполнение инструкций, а активное участие, основанное на компетенции, инициативе и профессиональной ответственности.

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой содействие определено, как: «1. Деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь. 2. Поддержка в какой-нибудь деятельности» [48, с. 372].

В самом общем виде под содействием понимается помощь, поддержка в какой-нибудь деятельности [60, с. 297–300]. «Содействие органов дознания следователю при производстве отдельных следственных действий – помощь, оказываемая ему работниками этих органов в процессуальных и следственных действиях, которые он выполняет сам» [32, с. 56].

По мнению Б. А. Денежкина, «содержанием содействия органа дознания следователю при производстве отдельных следственных действий является участие работников дознания в подготовке и проведении отдельных сложных и трудоемких следственных действий» [31, с. 12]. В криминалистической литературе содержание содействия определяется таким же образом и выражается в непосредственной практической помощи тактического и организационно-технического характера, оказываемой следователю [28, с. 76]. Указанной точки зрения придерживается также М. В. Цукрук [61, с. 165].

В решении задач уголовного судопроизводства значительное место занимает оказание содействия следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения. Эта деятельность представляет собой процессуально обусловленную и правомерную помощь, оказываемую как процессуальными участниками, так и иными субъектами, в целях обеспечения исполнения решений следователя, мер процессуального принуждения, применяемых на основании судебного решения, направленных на ограничение прав и свобод лица в рамках уголовного процесса [46, с. 37–38].

УПК РФ прямо не раскрывает понятия «содействие следователю», однако анализ таких норм, как п. 4 ч. 2 ст. 38, ст. 40, 113, 144, 186¹, 187, 188, 208 УПК РФ, позволяет определить содействие как предоставление помощи уполномоченными субъектами следователю в целях осуществления процессуальных действий и решений, сопряжённых с принудительным воздействием на участников уголовного процесса, для достижения целей предварительного расследования.

Как отмечает Н. И. Капинус, «правомерное государственное принуждение не может быть реализовано без механизмов обеспечительной поддержки, в том числе посредством содействия иных участников процесса, которые наделены специальной компетенцией» [38, с. 23–24]. Соответственно, содействие – это не просто факультативная деятельность, а неотъемлемая часть процессуальной структуры досудебного производства, обеспечивающая эффективность и законность применения принудительных мер.

На основе анализа действующего законодательства, обслуживающей его доктрины и практики предварительного расследования можно выделить следующие основные виды оказания содействия.

1. Оперативно-организационное содействие. Осуществляется органами дознания (ч. 1 ст. 40 УПК РФ) и оперативными подразделениями, действующими по поручению следователя (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Например:

- фактическое задержание подозреваемого (ст. 91 УПК РФ);
- обеспечение привода (ст. 113 УПК РФ);
- охрана места производства следственного действия, в том числе осмотра места происшествия, обыска, выемки, следственного эксперимента, проверки показаний на месте и другие (ст. 176, 181–183, 194 УПК РФ);
- розыск скрывшихся лиц, имущества, орудий совершения преступления, установление потерпевших, свидетелей, очевидцев совершенного преступления (ст. 115, 210 УПК РФ) [42, с. 27–28].

М. С. Демкина подчёркивает, что «без привлечения органов дознания выполнение отдельных действий по обеспечению применения мер принуждения становится затруднительным или невозможным» [30, с. 52–55].

2. Информационно-аналитическое содействие. Реализуется государственными, муниципальными и иными организациями, обязанными предоставлять информацию, необходимую для обоснования и реализации принудительных мер. Данная форма содействия регламентируется, в частности:

- ч. 4 ст. 21 УПК РФ (предоставление сведений по запросу следователя);
- ст. 186¹ УПК РФ (получение данных о соединениях между абонентами);

- ст. 183–185 УПК РФ (получение информации о финансовых операциях и банковских счетах);
- ст. 188 УПК РФ (вызов представителей организаций и должностных лиц).

Сведения, полученные в результате информационно-аналитического содействия, используются следователем при установлении основания для принятия решений, включая постановления о возбуждении ходатайств о применении меры пресечения, о наложении ареста на имущество и др.

3. Экспертно-техническое содействие. Заключается в привлечении лиц, обладающих специальными познаниями (ст. 57, 58, 168, 195–207 УПК РФ):

- участие специалиста при изъятии технических устройств (ст. 182 УПК РФ);
- проведение судебных экспертиз для установления причины смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве, в том числе его нуждаемость в лечении в стационарных условиях и др. (ст. 196 УПК РФ);
- участие судебно-медицинского эксперта при осмотре трупа (ст. 178 УПК РФ);
- участие медицинского работника при освидетельствовании (ст. 179 УПК РФ).

По мнению И. Л. Петрухина, «функция содействия включает в себя как информационную, так и процессуальную компоненты – предоставление знаний и участие в формировании доказательств» [50, с. 62–64].

4. Процессуально-гарантийное содействие. Осуществляется такими участниками, как защитник (ст. 49–53 УПК РФ), понятые (ст. 60, 170 УПК РФ), представители потерпевшего, гражданского истца и ответчика (ст. 45, 54–55 УПК РФ). Оно направлено на обеспечение процессуальной формы и защиту прав лиц, в отношении которых применяются меры принуждения:

- участие адвоката при задержании (ст. 92 УПК РФ);
- обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при помещении в ИВС, СИЗО;
- участие понятых при производстве обыска и выемки (ст. 170 УПК РФ).

5. Международное содействие. Осуществляется при взаимодействии с иностранными государствами и международными организациями на основании гл. 53 УПК РФ и международных договоров РФ. Включает:

- экстрадицию;
- исполнение запроса о применении мер принуждения;
- получение доказательств, находящихся за рубежом.

Следователь инициирует такое содействие через органы прокуратуры и Министерство юстиции Российской Федерации.

Содействие следователю не носит универсального характера, оно является многоаспектным, имеет разные формы. Правовую основу содействия следователю при производстве расследования составляют нормы УПК РФ. Содействие должно:

- быть основано на поручении или официальном запросе;
- руководящая роль отведена следователю (ст. 38 УПК РФ);
- осуществляться в рамках закона и под прокурорским надзором, судебного контроля, ведомственного контроля, процессуального контроля (ст. 21, 37, 39, 125 УПК РФ).

При превышении полномочий лицами, оказывающими содействие, наступает юридическая ответственность.

Таким образом, оказание содействия следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения представляет собой ключевой элемент правового механизма предварительного расследования. Оно реализуется через институциональные формы взаимодействия, опирается на положения УПК РФ и обеспечивает достижение целей уголовного судопроизводства, включая защиту интересов правосудия, восстановление нарушенных прав, предупреждение нарушений процессуального порядка.

Научное признание содействия как самостоятельной формы процессуального участия (Н. И. Капинус, И. Л. Петрухин, М. С. Демкина) открывает перспективу для дальнейшего теоретического и нормативного закрепления его статуса, включая возможную корректировку главы 8 УПК РФ и выделение функции содействия как отдельной обеспечительной функции в системе уголовно-процессуального права.

Указанное позволяет заключить следующее.

Содействие следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения – это совокупность действий, совершаемых субъектами, наделёнными специальной компетенцией, в целях организационного, информационного, технического или правового обеспечения исполнения процессуальных решений следователя, ограничивающих или контролирующих поведение участников уголовного судопроизводства.

Содействие имеет существенные отличия от выполнения поручений, которые в самом общем виде состоят:

- в выполнении поручений следователя органом дознания (следственные действия осуществляются автономно на основании письменного поручения – п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- в оказании содействия, при котором следователь лично производит процессуальное действие, а сотрудники органа дознания оказывают помощь в его обеспечении – техническом, организационном, силовом и ином сопровождении.

Таким образом, содействие представляет собой форму сопутствующего участия, направленного на обеспечение надлежащего исполнения процессуальных решений и предотвращение их срыва.

В зависимости от характера и целей можно выделить следующие основные **виды содействия.**

- 1. Оперативно-организационное содействие.**
- 2. Информационно-аналитическое содействие.**
- 3. Экспертно-техническое содействие.**
- 4. Процессуально-гарантийное содействие.**
- 5. Международное содействие.**

Таким образом, система содействия следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения требует своего дальнейшего нормативного укрепления и четкой институционализации. Это особенно актуально в свете необходимости обеспечения процессуальной стабильности, соблюдения правовых гарантий и эффективности уголовного судопроизводства на досудебной стадии.

2. Содействие следователю при реализации мер уголовно-процессуального принуждения

2.1. Оказание содействия следователю при применении мер пресечения

Решение органа предварительного расследования об избрании меры пресечения представляет собой индивидуальный процессуальный акт, влекущий за собой необходимость реализации установленного законом порядка исполнения. В связи с этим особую значимость приобретает организация эффективного исполнения избранной меры, что, в свою очередь, требует участия не только самого следователя, но и субъектов, способных оказать содействие в её обеспечении.

Анализ возникающих уголовно-процессуальных правоотношений при исполнении мер пресечения, избираемых по инициативе и решению следователя, целесообразно начать с выявления их структурных компонентов. К числу таких относятся: выраженное в установленной форме волеизъявление об избрании меры, комплекс обязательств, возлагаемых на подозреваемого (обвиняемого), а также механизм контроля за соблюдением этих обязательств, включающий участие соответствующих органов и должностных лиц.

Из текста уголовно-процессуального закона следует, что указанные обстоятельства можно поделить на две основные группы. Первая связана с необходимостью сохранения подозреваемым (обвиняемым) места своего постоянного либо временного проживания. Вторая направлена на обеспечение своевременной явки к следователю или в суд, а также на соблюдение предписанного поведения, соответствующего интересам правосудия. Указанные группы обязательств применимы к подозреваемым (обвиняемым), в отношении которых избираются меры пресечения, предусмотренные ст. 102 и 105 УПК РФ. При применении мер, предусмотренных ст. 103 и 104 УПК РФ, акцент делается преимущественно на исполнении обязанностей второй группы.

В этом контексте особого внимания заслуживает **подписка о невыезде и надлежащем поведении** как мера уголовно-процессуального принуждения, реализуемая на практике наиболее часто [46, с. 37–38]. Её применение сопровождается минимальными ограничениями свободы, что обуславливает необходимость надлежащей организации контроля за её исполнением и, следовательно, участия в этом процессе вспомогательных субъектов, оказывающих содействие следователю. Популярность этой меры в следственной и судебной практике объясняется её процессуальной простотой и доступностью, но не всегда – высокой эффективностью в части предупреждения процессуальных рисков.

Подписка о невыезде и надлежащем поведении, предусмотренная ст. 102 УПК РФ, представляет собой наименее строгую меру пресечения, избираемую следователем либо судом (в отношении подсудимого). При всей своей формальной простоте указанная мера требует надлежащего исполнения, кон-

троля и процессуального сопровождения, что делает актуальным вопрос об оказании содействия следователю со стороны иных субъектов в целях её эффективной реализации.

Как указано в п. 2 ст. 102 УПК РФ, данная мера предусматривает:

- обязанность не покидать без разрешения постоянного или временного места жительства;
- обязанность являться по вызовам следователя, дознавателя, прокурора или суда;
- обязанность не препятствовать производству по делу.

Решение об избрании меры пресечения представляет собой индивидуальный правовой акт, который, как справедливо отмечается в науке, «влечёт необходимость в исполнении и правовую реализацию ограничений» (М. В. Яковлев, З. Д. Еникеев) [33, с. 8].

Однако сам следователь не обладает всей полнотой ресурсов для полноценного контроля за соблюдением предписанных ограничений, что обуславливает вовлечение иных субъектов в процесс исполнения меры пресечения в рамках содействия – как процессуального, так и организационно-оперативного характера.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, при применении подписки о невыезде и надлежащем поведении подозреваемому или обвиняемому могут быть вменены:

- 1) обязанности, связанные с местом жительства, – постоянным или временным (п. 2 ст. 102 УПК РФ);
- 2) обязанности, обеспечивающие явку и надлежащее поведение (п. 3 ст. 102 УПК РФ, в совокупности с ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Е. Ю. Замуруева считает, что «поскольку подписка о невыезде и надлежащем поведении, а также присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым ограничивают принуждаемых лиц в их конституционном праве на свободное передвижение (ст. 27 Конституции РФ), то целесообразно применение данных мер пресечения передать к полномочиям суда» [35, с. 13, 24].

Н. В. Ткачева подчёркивает, что «исполнение подписки – это не просто контроль за передвижением лица, но и превентивное средство предотвращения его попыток повлиять на производство по делу, в том числе на свидетелей, доказательства, а также избежания рецидива преступной деятельности» [59, с. 54–55].

Сложности исполнения подписки на практике порождает отсутствие в законе чёткого определения понятия «надлежащее поведение». В научной литературе сформировались различные подходы.

Я. Ю. Бурлакова считает, что «поведение лица должно оцениваться лишь в контексте его взаимодействия с процессом, а не с точки зрения общего правопорядка» [25, с. 58–59]. Например, административное правонарушение, по её мнению, не должно автоматически влечь ужесточение меры пресечения.

В то же время позиция, основанная на уголовно-правовой практике, указывает: систематическое нарушение общественного порядка, даже в форме административных правонарушений (например, ст. 20.2 КоАП РФ), может иметь юридическое значение. Так, согласно примечанию к ст. 212¹ УК РФ, повторные

нарушения административного порядка могут повлечь уголовную ответственность.

В этой связи следует признать: неоднократное совершение административных правонарушений во время подписки вполне обоснованно может рассматриваться как индикатор ненадлежащего поведения.

И. Л. Петрухин справедливо отмечал, что «обвиняемый, обязанный соблюдать подписку о невыезде, должен не только не скрываться и являться по вызовам, но и воздерживаться от действий, которые могут препятствовать установлению истины или подрывать доверие к правосудию» [52, с. 251–253].

Содействие следователю при реализации подписки о невыезде и надлежащем поведении может быть классифицировано по следующим направлениям.

1. Оперативно-организационное содействие.

Предоставляется органами внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД), прежде всего, участковыми уполномоченными полиции (далее – участковый, УУП), которые на основании поручения следователя:

- осуществляют контроль за местом проживания подозреваемого;
- фиксируют факты нарушения подписки;
- докладывают следователю о случаях несоблюдения установленных ограничений (приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 [16]).

2. Информационно-аналитическое содействие.

Предоставляется организациями, от которых может поступать информация:

- о смене места работы или жительства подозреваемого;
- о наличии административных правонарушений (через базы МВД России, судов);
- о социальных или семейных обстоятельствах, влияющих на надлежащее поведение.

3. Правовое и консультационное содействие.

Может предоставляться защитниками, участвующими в производстве по делу, при оформлении ходатайств, касающихся:

- разрешения на временный выезд;
- разъяснения условий подписки и последствий её нарушения.

4. Участие органов местного самоуправления и социальных служб.

Актуально при применении меры к социально уязвимым категориям лиц (например, несовершеннолетним, лицам без постоянного места жительства).

Основными проблемами практики избрания и применения данной меры пресечения являются:

1) неиндивидуализированное содержание (шаблонность) постановления. Во многих случаях следователь ограничивается формулировками ст. 102 УПК РФ, не конкретизируя, какие действия составляют «надлежащее поведение». Это снижает эффективность контроля и приводит к правовой неопределенности;

2) отсутствие механизмов фиксации нарушений. Не установлены процессуальные формы отчетности субъектов, контролирующего поведение лица;

3) ограниченный объём полномочий по профилактике. Участковые не наделены специальными процессуальными функциями по фиксации нарушений подписки, их акты во многих случаях не обладают доказательственным статусом в уголовном процессе.

Для теоретического и практического разрешения обозначенных проблем считаем целесообразным:

- включать в постановление об избрании меры пресечения перечень конкретных запретов и обязанностей, основанных на анализе рисков, предусмотренных ст. 97 УПК РФ;

- разработать методические рекомендации МВД России и Следственного комитета РФ по взаимодействию участковых и следователей;

- внедрить форму индивидуальной карты исполнения меры пресечения, аналогичной наблюдательным делам в уголовно-исполнительной инспекции ФСИН России (далее – УИИ).

Исполнение подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения требует не только правовой чёткости и процессуальной дисциплины со стороны следователя, но и системного оказания содействия со стороны различных субъектов – от полиции и защитников до социальных служб и представителей органов местного самоуправления. Такое многоуровневое взаимодействие позволяет обеспечить баланс между охраной интересов правосудия и соблюдением прав личности, что полностью соответствует назначению уголовного судопроизводства.

Исполнение меры пресечения в форме **личного поручительства**, предусмотренной ст. 103 УПК РФ, представляет собой более сложный по структуре и механизму вариант обеспечения явки и надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого. Важнейшим условием её эффективности является добросовестное поведение поручителя, который берет на себя публично-правовое обязательство по содействию следователю в рамках уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что процессуальный статус поручителя, как участника уголовного процесса, не получил должного нормативного закрепления. Статья 103 УПК РФ содержит лишь общее упоминание об обязанностях поручителя и возможности привлечения его к ответственности за их неисполнение. Такая лаконичность законодательства обусловлена тем, что отношения между поручителем и подозреваемым (обвиняемым) основаны, прежде всего, на морально-нравственной связи, а не на властно-распорядительной зависимости.

В этой связи поручителю предоставлена значительная свобода в выборе средств воздействия на лицо, в отношении которого применена мера пресечения [37, с. 77–84]. Как обоснованно указывает В. А. Михайлов, «к таким средствам относятся убеждение, нравственно-психологическое влияние, разъяснение возможных правовых последствий, воспитание, содействие в социальной адаптации, включая помощь в трудоустройстве и разрешении бытовых трудностей» [47, с. 93, 102]. Всё это позволяет говорить о функции содействия, выполняемой поручителем по отношению к следователю, которая носит опосредованный, но существенный характер.

В соответствии с сущностью и содержанием меры на поручителя возлагается обязанность обеспечить:

- явку подозреваемого (обвиняемого) в орган предварительного расследования или суд;
- соблюдение им надлежащего поведения, препятствующего нарушению требований уголовно-процессуального закона.

Однако выполнение этих обязанностей сопряжено с рядом сложностей. Так, поручитель не обладает полномочиями на применение мер государственного принуждения. Он не вправе использовать физическое или имущественное воздействие, не может осуществлять силовое сопровождение лица или проникать в его жилище без согласия. Такие действия нарушали бы ст. 25 Конституции РФ (неприкосновенность жилища), а также общие принципы уголовного процесса, включая презумпцию невиновности.

На практике поручитель может столкнуться с противодействием со стороны подозреваемого, выражающимся в уклонении от явки, неповиновении, игнорировании рекомендаций. В подобных случаях поручитель ограничен в средствах воздействия и может лишь предложить лицу добровольно проследовать в орган расследования либо уведомить следователя о произошедшем. Этот элемент сотрудничества фактически является формой частного контроля в публичных интересах и требует соответствующего процессуального сопровождения.

Тем не менее, на страницах юридической литературы ведется дискуссия о пределах обязанностей поручителя. Так, З. Д. Еникеев высказывал мнение о допустимости применения поручителем принудительных мер, вплоть до задержания обвиняемого при попытке к бегству [33, с. 8; 18, с. 167; 36, с. 109–110]. Подобная позиция не может быть признана приемлемой, поскольку противоречит конституционным принципам и положениям уголовно-процессуального закона. Поручитель не является органом принуждения и может использовать исключительно методы нравственно-психологического характера.

При возникновении ситуации, когда поручитель утрачивает возможность контролировать поведение подозреваемого (обвиняемого) или не доверяет ему, законом не предусмотрена прямая обязанность уведомления следователя о каждом случае нарушения. Однако с точки зрения эффективности меры пресечения и интересов правосудия представляется целесообразным законодательно закрепить обязанность поручителя информировать орган, применивший меру, о фактах нарушения обязательств лицом, за которого он поручился.

Проблема прекращения поручительства также требует особого внимания. При утрате доверия, отсутствии контроля или добровольном решении отказаться от исполнения своих обязательств поручитель, по мнению А. А. Чунихи [62, с. 13] и И. Л. Петрухина [49, с. 234–235], должен иметь законодательно подтвержденную возможность прекратить поручительство в одностороннем порядке. В этом случае следователь должен рассмотреть вопрос:

- о замене поручителя;
- либо об избрании иной меры пресечения – при наличии соответствующих оснований, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Такое решение не нарушает непрерывность процессуальной меры, поскольку изменения касаются субъекта, обеспечивающего её исполнение, а не прекращения самой меры. Только при официальной отмене меры в установленном порядке (ч. 1 ст. 110 УПК РФ) прекращается её правовой эффект.

В этой связи личное поручительство как мера пресечения предполагает органичное соединение публичного процессуального назначения и частного механизма исполнения, где ключевую роль играет добровольное содействие поручителя следствию. Формирование чётких стандартов такого содействия, включая обязанности, процедуры информирования и основания отказа от поручительства, является важным направлением совершенствования уголовно-процессуального регулирования.

Применение меры пресечения в форме **наблюдения командования воинской части**, регламентированной ст. 104 УПК РФ, требует особого внимания к взаимодействию между следователем и воинским командованием. Данная мера применяется исключительно к военнослужащим, проходящим службу по призыву или контракту, и, как правило, реализуется в условиях строгой воинской дисциплины и подчиненности уставным требованиям.

Следователь, вынося постановление об избрании меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части, должен не только определить её правовые основания и цели, но и обеспечить чёткое и исполнимое содержание документа. В постановлении должны быть отражены:

- обстоятельства уголовного дела;
- перечень обязанностей подозреваемого (обвиняемого);
- конкретные ограничения, налагаемые в целях исключения противодействия следствию;
- место исполнения меры;
- круг лиц, уполномоченных осуществлять наблюдение.

Особую значимость представляет этап разъяснения командованию существа подозрения или обвинения и характера возложенных обязанностей. По смыслу закона, наблюдение должно быть постоянным, а не формальным. Однако действующее законодательство не детализирует, в каких формах должно осуществляться это наблюдение, не указывает конкретные виды ограничений, что требует дополнительных усилий со стороны следователя в индивидуализации меры.

В связи с этим содействие следователю со стороны командования воинской части приобретает ключевое значение и включает в себя следующее.

1. Издание приказа о назначении ответственных лиц. Командир воинской части может наделить суточный наряд или иное должностное лицо обязанностями по наблюдению. Этот шаг должен быть официально оформлен.

2. Обеспечение ограничений. К числу ограничений могут относиться: временное лишение права ношения оружия, запрет на увольнение из части, запрет на несение службы в караулах, временное отстранение от должностных обязанностей. Все они должны быть согласованы со следователем и отражены в постановлении о мере пресечения.

3. Осуществление воспитательной и контрольной работы. Командование обязано не только отслеживать местонахождение и поведение военнослужащего, но и проводить систематическую профилактическую работу, направленную на исключение совершения повторных правонарушений. В качестве примера может быть использован опыт Министерства обороны РФ, изложенный в приказе № 680 от 20 октября 2016 г., применённый по аналогии с институтом исполнения наказаний [17].

Представляется возможным по аналогии с п. 2 указанных Правил усилить элементы воспитательного воздействия в рамках исполнения рассматриваемой меры пресечения [11]. Воспитательная работа может осуществляться путем: проведения занятий по общественно-государственной подготовке и информирования военнослужащих; доведения и разъяснения законодательства Российской Федерации; индивидуальной воспитательной работы, проводимой старшими по должности и по званию военнослужащими, на основе глубокого изучения личности военнослужащего и с учетом существа подозрения или обвинения; проведения других мероприятий воспитательного характера [20, с. 92].

Следователь должен систематически взаимодействовать с командованием, запрашивая информацию о поведении подозреваемого (обвиняемого), его месте нахождения, возможных нарушениях режима. В случае уклонения от обязанностей или нарушения предписанных ограничений, командование воинской части обязано немедленно уведомить об этом следственные органы (ч. 2 ст. 104 УПК РФ). В юридической литературе предлагается ввести дисциплинарную ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по наблюдению, поскольку нормы ст. 117–118 УПК РФ не подходят к военнослужащим, находящимся в специфических условиях службы.

Кроме того, в интересах расследования целесообразным может быть и перевод военнослужащего в другую часть, если присутствуют риск давления на сослуживцев или попытки воспрепятствовать производству по делу. Такое решение может быть инициировано следователем с учётом мнения прокурора и командования.

Поэтому содействие следователю при применении данной меры пресечения заключается не только в формальном соблюдении требований постановления, но и в активной позиции командования, направленной на реализацию задач предварительного расследования [37, с. 77–84]. Именно эффективное взаимодействие между следователем и воинским командованием позволяет обеспечить как безопасность расследования, так и законность ограничений, применяемых к военнослужащему.

В системе мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, **присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым**, как особая форма обеспечения надлежащего поведения, занимает важное место и требует особого подхода со стороны следователя [42, с. 27–28]. В отличие от иных мер, она направлена не только на обеспечение явки и недопущение противоправного поведения, но и на реализацию задач воспитательного воздействия, с учетом возрастных, психологических и социальных характеристик несовершеннолетнего [13].

Согласно ст. 105 УПК РФ, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) может быть возложен на родителей, попечителей, иных заступающих доверия лиц либо на должностных лиц специализированного учреждения. В каждом случае следователь обязан обеспечить такие условия, при которых назначенное лицо сможет эффективно выполнять возложенные на него обязанности, а также осуществлять содействие следствию.

Содействие следователю в этом контексте реализуется в следующих формах.

1. Обеспечение физической доступности несовершеннолетнего – лицо, осуществляющее присмотр, обязано обеспечивать пребывание несовершеннолетнего в пределах постоянного или временного места проживания, исключая несанкционированные перемещения. Выход несовершеннолетнего может быть ограничен по времени или допускаться только в сопровождении поручителя, что позволяет следователю гарантировать исполнение вызовов в органы расследования или суд.

2. Психолого-педагогическое воздействие – лицо, осуществляющее присмотр, исходя из особенностей личности несовершеннолетнего, оказывает влияние, направленное на предупреждение нарушения обязательств. Это включает беседы, контроль за образом жизни, участие в обучении и досуге, формирование позитивной модели поведения. При этом следователь может рекомендовать определенные формы воздействия и отслеживать их эффективность на стадии исполнения меры.

3. Сбор информации о поведении – лицо, осуществляющее присмотр, обязано информировать следователя о любых случаях уклонения от обязанностей или признаках риска совершения новых противоправных деяний. Это особенно важно для своевременной замены меры пресечения или корректировки тактики расследования. Такая обязанность должна быть закреплена в постановлении об избрании меры пресечения и четко разъяснена ответственному лицу.

4. Участие в профилактических мероприятиях – в сотрудничестве с органами профилактики (например, подразделениями по делам несовершеннолетних, органами образования), лицо, осуществляющее присмотр, может содействовать организации контроля, включающего проверку учебной дисциплины, занятости, круга общения несовершеннолетнего. Следователь вправе координировать эти действия и включать полученные данные в оценку поведения подозреваемого.

5. Ограничение контактов – в целях исключения влияния криминогенной среды, лицо, осуществляющее присмотр, может вводить ограничения на общение несовершеннолетнего с определенными лицами, а также контролировать использование средств связи и Интернета. Подобные меры согласуются с ч. 8 ст. 107 УПК РФ и правовыми позициями Верховного Суда РФ по аналогичным случаям применения домашнего ареста [12].

Реализация данной меры пресечения невозможна без активного участия и постоянного взаимодействия следователя с лицом, на которое возложены обязанности по присмотру. Следователь должен не только контролировать исполне-

ние обязательств, но и проводить методическое сопровождение, разъясняя правовые последствия ненадлежащего исполнения, предлагая формы воздействия, адаптированные к возрасту и психоэмоциональному состоянию несовершеннолетнего.

В юридической доктрине обоснованным признается включение в обязанности следователя оценки условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, определение степени риска совершения новых преступлений, а также координации усилий с субъектами системы профилактики. Применение к несовершеннолетнему меры пресечения должно рассматриваться как комплексное мероприятие, сочетающее правовое ограничение и воспитательное воздействие.

В этой связи эффективное применение меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним невозможно без активного, постоянного и целенаправленного содействия со стороны лиц, осуществляющих присмотр, под методическим контролем и сопровождением следователя. Это содействие является важнейшим элементом не только правового, но и социального механизма обеспечения задач уголовного судопроизводства.

В рамках реализации мер пресечения, избираемых судом, таких как запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу, особое значение приобретает вопрос содействия следователю в обеспечении контроля за исполнением этих мер. Такое содействие может выражаться как в юридической, так и в фактической поддержке: от участия в реализации запретов и ограничений, установленных судом, до координации с иными органами, вовлечёнными в уголовное судопроизводство.

Прежде всего следует выделить, что нормы УПК РФ (ст. 105¹–108) предусматривают возможность индивидуализации ограничений, возлагаемых на подозреваемого или обвиняемого. В условиях применения меры пресечения в виде запрета определенных действий следователь играет ключевую роль не только в инициировании соответствующего ходатайства, но и в обеспечении эффективного контроля за исполнением вынесенного судом решения. Следователь, обладая полномочиями, предусмотренными ст. 38, 39 и 105¹ УПК РФ, формирует доказательственную базу, обосновывающую необходимость применения именно данной меры, а также конкретизирует содержание запретов с учетом обстоятельств дела и личности подозреваемого (обвиняемого) [41, с. 182–185]. Особенно важно подчеркнуть, что такие ограничения должны прямо способствовать недопущению воспрепятствования расследованию, в том числе исключать возможность давления на потерпевших, свидетелей или сокрытия доказательств.

Процессуальная инициатива следователя, выраженная в ходатайстве о применении меры пресечения, требует не только надлежащего юридического обоснования, но и активного участия в последующем контроле за соблюдением установленных судом ограничений. На практике это реализуется, в том числе, через тесное взаимодействие с УИИ, а также с подразделениями ОВД по месту жительства подозреваемого или обвиняемого. Действия следователя не сводятся исключительно к формальному контролю – он также вправе запрашивать сведения

о поведении лица, в отношении которого избрана мера пресечения, инициировать проверку достоверности соблюдения запретов, а при наличии оснований – ходатайствовать о замене меры пресечения на более строгую [12].

Следует подчеркнуть и значение технических средств, применяемых в рамках контроля за соблюдением запретов, включая средства аудио- и видеонаблюдения, GPS-трекеры и электронные браслеты. Контроль за этими средствами также осуществляется с участием следователя, который взаимодействует с контролирующими органами, в первую очередь с УИИ, в целях своевременного получения информации о нарушениях, например, при попытке отключения устройства или выхода за пределы допустимой зоны.

Особое внимание уделяется вопросу правомерного ограничения информационного взаимодействия подозреваемого с внешним миром. Следователь в порядке, предусмотренном ст. 186¹ УПК РФ, может инициировать получение информации от операторов связи о телефонных соединениях или интернет-активности, если лицо нарушает запрет на использование средств связи. Это особенно важно в делах, где существует риск координации с соучастниками, уничтожения доказательств или давления на свидетелей.

Поэтому содействие следователя при применении меры пресечения в виде **запрета определенных действий** охватывает как подготовительный этап, включающий сбор и представление доказательств, так и этап исполнения – посредством активного мониторинга, взаимодействия с другими органами и инициирования процессуальных решений в случае нарушения установленных запретов. Такой подход не только укрепляет эффективность расследования, но и обеспечивает соблюдение прав и свобод участников процесса в рамках закона.

О. Д. Вастьянова подчёркивает, что «фактически мера пресечения в виде запрета определенных действий представляет собой трансформацию расширенного варианта домашнего ареста, при этом носит более щадящий и гуманный характер, поскольку может быть сведена к установлению одного или нескольких запретов, тем самым в незначительной степени ограничивая свободу уголовно преследуемого лица» [26, с. 62].

Исполнение меры пресечения в виде **залога** (предусмотрена ст. 106 УПК РФ) требует активного содействия следователя как на стадии выбора меры, так и на этапе её реализации. С учётом природы залога как имущественного обязательства, направленного на обеспечение явки и надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого), именно следователь организует проверку соблюдения условий и инициирует соответствующие меры контроля, включая возможную замену или отмену залога. Это особенно актуально, если залог был внесён третьим лицом – физическим или юридическим, не имеющим процессуального статуса участника уголовного судопроизводства, но всё же вовлечённым в обеспечительные правоотношения.

Одним из ключевых аспектов содействия следователя является своевременное информирование залогодателя о действиях и решениях, связанных с вызываемым лицом. Практика показывает, что без системного взаимодействия между следствием и залогодателем может быть утрачена эффективность меры (например, при нарушении условий явки подозреваемого по повестке). Именно

следователь обязан принять меры к тому, чтобы залогодатель был осведомлён об обязанностях подозреваемого, и в случае их нарушения – мог принять участие в инициировании изменения меры пресечения.

Следователь также наделён полномочиями по инициативному внесению в суд ходатайств о корректировке условий меры пресечения. Это может быть обусловлено как объективными изменениями в обстоятельствах дела (например, ухудшением здоровья подозреваемого), так и ненадлежащим исполнением залогодателем своих обязанностей. Кроме того, если поступает ходатайство о замене предмета залога, то именно следователь производит оценку допустимости такого действия, в том числе с точки зрения целесообразности и правомерности, и организует процессуальное оформление соответствующих материалов в суд.

Важной частью содействия следователя является контроль над обстоятельствами, свидетельствующими о недобросовестности исполнения меры пресечения. Например, при попытке подозреваемого изменить место жительства или покинуть пределы населённого пункта без уведомления следователя, последний вправе незамедлительно инициировать вопрос о замене меры пресечения на более строгую, вплоть до заключения под стражу в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ.

Следует отметить и значимость следователя при подготовке заключений о возврате предмета залога. В рамках правового режима, установленного ч. 3 ст. 106 УПК РФ, суд возвращает предмет залога при условии надлежащего исполнения подозреваемым обязательств. Однако вывод о «надлежащем исполнении» может быть сделан судом лишь при наличии надлежащих сведений, предоставленных следователем. Таким образом, качественное процессуальное сопровождение от органа предварительного расследования необходимо как на стадии инициирования, так и при прекращении применения залога.

Кроме того, в случае поступления заявления от залогодателя об отказе от исполнения взятых обязательств, следователь обязан оценить обоснованность отказа, последствия для обеспечения уголовного преследования, а также возможную необходимость избрания альтернативной меры пресечения. Именно от оперативности и обоснованности действий следователя зависит стабильность процессуальных гарантий и реализация задач уголовного судопроизводства, закреплённых в ст. 6 УПК РФ.

В заключение отметим, что исполнение меры пресечения в виде залога невозможно без комплексного содействия следователя, который осуществляет не только контроль, но и обеспечивающее сопровождение – от организации уведомления залогодателя до инициирования процессуальных решений, включая замену меры пресечения, возврат залога или применение иных санкций. В этой связи представляется необходимым законодательное закрепление механизмов взаимодействия следователя с залогодателем, а также расширение регламента, направленного на правовое обеспечение исполнения обязательств, связанных с применением ст. 106 УПК РФ.

Продолжая анализ исполнения меры пресечения в виде **домашнего ареста** с точки зрения содействия следователю, необходимо подчеркнуть, что эффек-

тивность применения данной меры в значительной степени зависит от организованной и скоординированной работы органов предварительного расследования, в первую очередь от следователя. Последний выступает не только инициатором применения домашнего ареста, но и координатором всех действий, направленных на его реализацию и контроль за соблюдением условий.

Следователь на этапе возбуждения ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста обязан в соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ обосновать невозможность применения более мягкой меры пресечения. При этом он указывает перечень ограничений и запретов, которые предлагается возложить на подозреваемого (обвиняемого) в соответствии с ч. 7 ст. 107 УПК РФ. Здесь содействие следователя выражается в тщательной подготовке доказательственной базы, в том числе с указанием конкретных рисков, которые оправдывают необходимость установления ограничений: запрета покидать жилое помещение, запрета общения с определенными лицами, использования средств связи и информационно-телекоммуникационных технологий [42, с. 27–28].

После принятия судом решения об избрании домашнего ареста следователь обеспечивает исполнение вынесенного постановления: направляет его в УИИ, информирует территориальные органы МВД России и, при необходимости, иные ведомства (например, органы опеки и попечительства, органы военного учета и т. д.). Такая активная процессуальная позиция позволяет сформировать комплексную систему контроля за подозреваемым, обеспечивая исполнение запретов, имеющих значение для интересов следствия.

Особого внимания заслуживает роль следователя в обеспечении запретов на контакты с определенными лицами, особенно в случаях, когда такие лица являются потерпевшими, свидетелями или иными участниками процесса. Именно следователь обладает всей полнотой сведений, позволяющих идентифицировать таких лиц, их адреса проживания, места работы и учёбы. На основании полученной информации следователь обязан своевременно информировать сотрудников УИИ о необходимости установления соответствующих охранных и запретных зон, указать в постановлении о применении меры пресечения, конкретных лиц, общение с которыми недопустимо.

Следователь также принимает участие в обеспечении технической реализации ограничений. В случае, если суд наложил запрет на использование телефонов и Интернета, то именно следователь может инициировать получение разрешения суда на ограничение доступа к средствам связи в порядке ст. 185–186¹ УПК РФ, а также содействовать в запросах к операторам связи, банкам и интернет-провайдерам для подтверждения исполнения запретов.

Важным направлением деятельности следователя является реагирование на нарушения условий домашнего ареста. При получении информации от сотрудников УИИ о нарушениях, таких как самовольный выход за пределы жилого помещения, общение с запрещёнными лицами или попытки использовать средства связи, следователь обязан:

- 1) проверить наличие оснований для возбуждения ходатайства об изменении меры пресечения на более строгую (например, заключение под стражу в порядке ст. 108 УПК РФ);

2) провести процессуальные действия, направленные на документирование факта нарушения (опросы, изъятие видеозаписей с контрольных устройств, допросы сотрудников УИИ и соседей);

3) подготовить мотивированное ходатайство в суд с приложением подтверждающих материалов.

Кроме того, в случае систематических, но не грубых нарушений, следователь может предложить изменение набора ограничений, сохранив при этом домашний арест как меру пресечения. Это может быть связано, например, с изменением временного диапазона, в который разрешен выход за пределы жилого помещения, или с добавлением новых запретных зон. Такая гибкая и адресная реакция позволяет сохранить баланс между задачами правосудия и соблюдением прав личности.

Следователь также должен участвовать в контроле над надлежащей организацией технического обеспечения домашнего ареста, в том числе в проверке корректной работы устройств контроля, анализе отчетов УИИ, а также в организации технических проверок совместно с представителями УИИ при поступлении жалоб на неисправности оборудования.

В случае, если домашний арест отменяется или изменяется на более мягкую меру пресечения, то именно следователь предоставляет суду данные, подтверждающие, что основания, обосновывающие необходимость данной меры, отпали. В его обязанности входит собирание доказательств добросовестного исполнения подозреваемым (обвиняемым) своих обязательств: соблюдение графика, отсутствие нарушений, взаимодействие с органами контроля.

В этой связи следователь не только инициирует применение домашнего ареста, но и активно содействует его исполнению, выступая ключевым координатором между судом, УИИ и иными субъектами контроля. Его активное участие обеспечивает эффективность меры пресечения, а также реализацию задач, указанных в ст. 6 УПК РФ, – защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения прав и свобод. В целях повышения качества исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста представляется целесообразным законодательно закрепить обязательность участия следователя в процедурах контроля, а также уточнить его полномочия при изменении набора ограничений, установленных судом.

Заключение под стражу – это наиболее строгая мера пресечения, связанная с изоляцией подозреваемого (обвиняемого) от общества. Её применение требует строгого соблюдения процессуальных формальностей и тесного взаимодействия между участниками уголовного процесса, в первую очередь со стороны следователя, на которого возлагается обязанность обоснования необходимости её избрания, а также координации всех органов и лиц, задействованных в исполнении данной меры.

На этапе вынесения постановления о возбуждении перед судом ходатайства о заключении под стражу следователь осуществляет сбор доказательств, подтверждающих наличие оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ, и невозмож-

ность применения иной, более мягкой меры. При этом следователь взаимодействует с оперативными подразделениями, экспертами, сотрудниками ОВД и прокуратуры.

Следователь представляет в суд необходимые материалы, обеспечивает явку обвиняемого и его защитника, участвует в судебном заседании, поддерживает заявленную позицию, а при необходимости организует доставку лица в суд при участии сотрудников МВД России.

После вынесения судом решения о заключении под стражу следователь продолжает оказывать влияние на ход исполнения этой меры. Так, именно он направляет постановление суда в орган, ответственный за этапирование, согласовывает с территориальным органом ФСИН России учреждение, в которое будет доставлен обвиняемый, и может инициировать проведение следственных действий в условиях следственного изолятора. Следователь также обязан обеспечить исполнение предписаний, изложенных в ст. 160 УПК РФ, касающихся принятия мер по устройству детей, оставшихся без попечения, и сохранению имущества, оставленного без присмотра. Для этого он взаимодействует с органами опеки и попечительства, органами местного самоуправления, нотариусами, представителями социальных служб, а в необходимых случаях – с родственниками или иными заинтересованными лицами. Такие действия способствуют поддержанию правовой и социальной стабильности, что, в свою очередь, исключает риски, связанные с нарушением прав заключённого и возможными жалобами, направленными на дискредитацию следствия.

Особое значение имеет и процессуальное содействие следователю со стороны учреждений и органов ФСИН России. Сотрудники следственного изолятора обеспечивают условия, в которых возможно проведение допросов, очных ставок, предъявлений для опознания, а также других следственных действий. При этом взаимодействие строится на официальных запросах следователя, оформленных в установленном порядке, с учётом режима учреждения. ФСИН России также предоставляет должностным лицам органов предварительного расследования информацию о поведении подозреваемого (обвиняемого), его состоянии здоровья, нарушениях установленного режима, что может служить основанием для продления меры пресечения или её изменения.

Если мера пресечения применяется в отношении лиц, обладающих специальным правовым статусом (например, судей, депутатов, сенаторов), следователь координирует процедуру получения согласия соответствующего органа, предусмотренного ст. 450 УПК РФ. Подготовка мотивированного представления, его направление в Совет Федерации, Государственную Думу или квалификационную коллегию судей также входит в сферу его процессуальных полномочий. Следователь не только инициирует эту процедуру, но и обеспечивает её обоснование – с приложением материалов, доказывающих наличие предусмотренных законом оснований. После получения согласия он принимает меры к немедленному исполнению судебного решения о заключении под стражу.

Применение заключения под стражу в отношении лиц, объявленных в международный розыск, также требует активного участия следователя [54, с. 117–121]. Он направляет материалы в Генеральную прокуратуру РФ, координирует

действия с Национальным центральным бюро Интерпола, взаимодействует с МИД России и организует подготовку документов, необходимых для экстрадиции. После фактического задержания лица на территории иностранного государства следователь принимает участие в оформлении процедуры выдачи, а также отслеживает момент фактического задержания для надлежащего исчисления сроков содержания под стражей. Данная деятельность осуществляется в соответствии с нормами международного права, в первую очередь Европейской конвенции о выдаче, и требует учета законодательства запрашиваемой стороны [2].

Несмотря на строгость рассматриваемой меры пресечения, исполнение заключения под стражу не требует индивидуализации судебного решения, за исключением случаев, связанных с выдачей или применением меры к лицам, обладающим иммунитетом. В остальных случаях порядок её исполнения урегулирован Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и другими ведомственными актами [9; 15; 16]. При этом следователь остаётся ключевой фигурой, обеспечивающей как юридическую, так и организационно-административную сторону исполнения этой меры: он инициирует сопровождение, организует участие оперативных сотрудников, устанавливает график следственных действий и контролирует соблюдение установленного порядка взаимодействия между всеми участниками процесса.

Ввиду этого исполнение меры пресечения в виде заключения под стражу невозможно без активного и постоянного содействия со стороны следователя. Он не только обеспечивает соблюдение процессуального порядка её применения, но и координирует действия множества субъектов – от оперативных подразделений и прокурора до органов опеки, ФСИН России и международных организаций. Это делает фигуру следователя центральной в механизме реализации самой строгой меры пресечения, обеспечивая как законность, так и эффективность предварительного расследования.

Анализ механизма исполнения мер пресечения, предусмотренных ст. 102–105¹ УПК РФ, позволяет сформулировать обобщённый вывод, акцентируя внимание на ключевой роли следователя и его взаимодействии с иными участниками уголовного процесса.

Мера пресечения, как акт уголовно-процессуального принуждения, реализуется не формально, а в рамках чётко выстроенной системы, в центре которой находится следователь. Именно он принимает решение о её необходимости, формулирует мотивированное ходатайство и организует последующее исполнение, привлекая к этой деятельности широкий круг субъектов: сотрудников УИИ, оперативных подразделений ОВД, учреждений ФСИН России, органов опеки и попечительства, социальных служб, а в ряде случаев – представителей органов власти, судебной системы и международных структур.

Исполнение любой меры пресечения немыслимо без скоординированного содействия этим субъектам, действующим по поручениям и под контролем следователя. Он определяет не только процессуальные границы меры, но и применяемые ограничения, порядок уведомлений, формы контроля и ответственность

за нарушения. При этом решение об избрании меры пресечения должно быть индивидуализировано, учитывать личность подозреваемого (обвиняемого), степень общественной опасности, риски воспрепятствования расследованию и иные факторы.

Выявленные проблемы правоприменения наглядно демонстрируют, что нормы, регулирующие исполнение некоторых мер пресечения, в первую очередь не связанных с лишением свободы, нуждаются в уточнении. В частности, применение залога требует более чёткого законодательного регламента, особенно при участии в качестве залогодателя третьих лиц. Также актуальной остаётся задача принятия межведомственного акта, детализирующего порядок исполнения мер пресечения, избираемых следователем, и создания автоматизированной информационной базы, фиксирующей данные о мерах принуждения и контролирурующих органах.

Таким образом, эффективность исполнения мер пресечения прямо зависит от качества организационно-правовой работы следователя и уровня процессуального содействия со стороны иных участников уголовного судопроизводства. Надлежащая реализация этих мер способствует достижению целей предварительного расследования, поддержанию правопорядка и соблюдению баланса между публичными интересами и правами личности.

2.2. Оказание содействия следователю при применении иных мер процессуального принуждения

В рамках применения иных мер уголовно-процессуального принуждения ключевое значение приобретает организованное и последовательное содействие следователю со стороны других участников уголовного процесса, как в подготовке, так и в непосредственном исполнении этих мер. Специфика данных мер, установленная гл. 14 УПК РФ, заключается в том, что они могут применяться не только к подозреваемому или обвиняемому, но и к другим лицам, включая свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов и других субъектов [46, с. 37–38].

Следователь, являясь центральной фигурой в инициировании применения иных мер принуждения, обязан тщательно оценивать основания для их реализации и обеспечивать согласованное взаимодействие с должностными лицами, участвующими в их исполнении. В этом контексте особую роль играют органы дознания, сотрудники УИИ, должностные лица Федеральной службы судебных приставов РФ (далее – ФССП России), а также технические и вспомогательные службы (например, операторы связи при блокировке каналов связи, социальные службы при исполнении временного отстранения от должности, нотариусы и регистраторы прав при наложении ареста на имущество).

Например, при реализации **обязательства о явке**, следователь не только разъясняет правовые последствия его нарушения, но и координирует процедуры вызова лица, включая контроль за вручением повесток, использование современных средств связи, в том числе СМС-уведомлений, если это предусмотрено процессуальной формой. Здесь содействие оказывают сотрудники канцелярий судов

и подразделения МВД России, обеспечивающие фиксацию факта извещения. В случае нарушения обязательства – неявки – следователь инициирует применение привода, где также необходима координация с оперативными подразделениями. Реализация привода возлагается на органы дознания ОВД.

Другой пример – наложение ареста на имущество, где следователь тесно взаимодействует с регистраторами прав, представителями органов ФССП России и банками, обеспечивая как юридическую фиксацию ареста, так и его физическое исполнение. От эффективной координации всех указанных субъектов зависит не только сохранность имущества, но и достижение целей уголовного судопроизводства.

Временное отстранение от должности требует от следователя обмена информацией с работодателями подозреваемого (обвиняемого), предоставления мотивированных процессуальных документов и контроля за их исполнением. Здесь важно участие кадровых служб организаций, которые обязаны исполнить соответствующее постановление и сообщить о его реализации.

В этой связи успех применения иных мер уголовно-процессуального принуждения напрямую зависит от способности следователя не только правильно их инициировать, но и эффективно выстраивать взаимодействие с другими участниками уголовного процесса, органами, лицами и организациями, не имеющими прямого отношения к выполнению уголовно-процессуальных функций. Это содействие имеет как юридический, так и организационно-технический характер и должно быть четко регламентировано.

В целях повышения его результативности предлагается внедрение единой информационной базы учета всех примененных мер принуждения, а также разработка межведомственного регламента, стандартизирующего алгоритмы исполнения таких мер. Только комплексный подход и слаженное участие всех задействованных субъектов позволят следователю эффективно реализовать свои процессуальные полномочия и обеспечить законность и эффективность уголовного преследования.

В контексте исполнения иных мер уголовно-процессуального принуждения важнейшую роль играет комплексная координация действий следователя и других субъектов, вовлечённых в реализацию соответствующих решений. Особое внимание следует уделить обеспечению эффективного содействия следователю со стороны органов дознания, других подразделений полиции, судебных приставов и иных уполномоченных структур на всех этапах применения таких мер, как привод, обязательство о явке и других, предусмотренных гл. 14 УПК РФ.

Так, при применении **привода**, в отличие от других мер, ключевая роль следователя заключается не только в вынесении соответствующего постановления, но и в обеспечении его исполнения с учетом правового и фактического статуса доставляемого лица. Следователь обязан представить точные и полные данные о местонахождении лица, подлежащего приводу, обеспечить оперативную передачу постановления органу, уполномоченному на его исполнение, а также контролировать законность и своевременность всех этапов реализации данной меры.

Содействие следователю в таких ситуациях обеспечивается сотрудниками полиции или судебными приставами, которые обязаны действовать в пределах своих полномочий, предусмотренных законами «О полиции» [8] и «О судебных приставах» [9]. Это включает право на применение физической силы, специальных средств и в определённых условиях – проникновение в жилище, что требует соблюдения установленного процессуального порядка. Для следователя, инициирующего подобные действия, принципиально важно обеспечить процессуальную обоснованность и правовую «чистоту» каждого этапа, чтобы исключить возможные злоупотребления и нарушения прав участников процесса.

При этом, соблюдая соответствующие процессуальные требования, следователь может взаимодействовать с дознавателями и другими сотрудниками для обеспечения правомерного проникновения в жилище (в порядке, требующем судебного разрешения), а также оперативно реагировать на факты злостного уклонения от явки. В подобных случаях следователь выполняет координирующую роль, инициируя получение необходимых разрешений и контролируя соблюдение всех гарантий законности при исполнении.

Специфика такого взаимодействия проявляется в оценке и фиксации уважительных причин неявки лица. Следователь, изучая представленные обстоятельства, обязан не только оценить их добросовестность и достоверность, но и, при наличии оснований, прекратить исполнение привода, направив соответствующие уведомления. В противном случае он уполномочен повторно инициировать применение данной меры принуждения или ходатайствовать о её замене на более строгую.

В этой связи исполнение таких мер, как обязательство о явке и привод, требует от следователя активной роли не только как инициатора процессуального решения, но и как координатора всей правоприменительной цепочки, включающей дознавателей, оперативные подразделения, суды и иные органы. Только при условии согласованных действий всех субъектов, наделённых процессуальными полномочиями, возможно эффективное применение мер уголовно-процессуального принуждения, обеспечивающее своевременное и полное достижение задач предварительного расследования.

Рассмотрение исполнения иных мер уголовно-процессуального принуждения, в частности **временного отстранения от должности**, вновь подчёркивает ключевую роль следователя как организатора и координатора процесса правоприменения. Эффективность данной меры во многом зависит от того, насколько последовательно и грамотно следователь взаимодействует с иными участниками уголовного судопроизводства и сторонними организациями, обеспечивающими исполнение вынесенного судом постановления [45, с. 84–85].

Прежде всего, содействие следователю при применении временного отстранения от должности реализуется в форме тесного взаимодействия с работодателем подозреваемого или обвиняемого. Именно руководителю организации (или вышестоящему органу) направляется судебное постановление, которое должно быть исполнено безотлагательно. Однако на этом участие следователя не заканчивается. Он обязан обеспечить не только правомерную передачу доку-

мента, но и контроль за его фактическим исполнением: проверить, действительно ли подозреваемый отстранён от выполнения служебных обязанностей, исключено ли его воздействие на участников уголовного судопроизводства и сохраняется ли режим ограничений.

Особое значение имеет разработка системы мер правомерного контроля за исполнением запретов, предусмотренных в рамках временного отстранения от должности. Именно следователь вправе определить, какие конкретные ограничения подлежат применению: запрет на вход в служебные помещения, на контакт с подчинёнными, доступ к информации и документам. Без чётко установленных запретов данная мера принуждения теряет эффективность, а её исполнение становится формальным. В связи с этим крайне важно нормативно закрепить обязанность следователя при обращении в суд с ходатайством об отстранении чётко формулировать предлагаемые ограничения и средства контроля.

В ситуациях, когда отстранённым от должности является сам руководитель организации, на следователя возлагается задача обеспечить фактическое исполнение меры, несмотря на отсутствие привычного административного механизма. В таких случаях именно следователь должен выступить координатором: направить постановление вышестоящему органу, контролировать передачу обязанностей исполняющему обязанности, а также обеспечить информационную поддержку и процессуальную коммуникацию с иными участниками, в том числе с судебными приставами на стадии судебного разбирательства.

Кроме того, важнейшим аспектом остаётся фиксация нарушений, допущенных отстранённым лицом. Следователь, получив информацию от руководителя организации или других участников, обязан незамедлительно оценить её и, при необходимости, инициировать изменение или усиление применяемой меры (например, ходатайствовать о мере пресечения). Законодательное закрепление обязанности руководителя учреждения сообщать следователю о нарушениях станет инструментом оперативного реагирования и обеспечит надлежащее исполнение цели, ради которой мера была назначена.

В связи с этим реализация временного отстранения от должности требует активного участия следователя на каждом этапе: от подготовки мотивированного ходатайства с конкретными ограничениями до контроля исполнения и правовой реакции на их нарушение. Это подчеркивает, что меры процессуального принуждения, формально относящиеся к компетенции суда или иных органов, на практике остаются в значительной степени зависимыми от уровня организационной и правовой активности следователя, как ключевого участника уголовного процесса.

Применение меры уголовно-процессуального принуждения в виде **наложения ареста на имущество** требует от следователя высокого уровня организации, правовой грамотности и тесного взаимодействия с иными субъектами, вовлеченными в уголовное судопроизводство. Именно следователь играет ключевую роль в инициировании этой меры, формировании доказательной базы, обосновании ходатайства перед судом, а также в контроле за надлежащим исполнением принятого судебного решения.

Содействие следователю при реализации ареста на имущество выражается, прежде всего, в сборе достоверной информации о характере, принадлежности и стоимости имущества, подлежащего аресту. Для этого следователь активно взаимодействует с органами регистрации прав (например, Росреестром), налоговыми и финансовыми органами, кредитными учреждениями, а также собственниками имущества. Его задача – обеспечить обоснованность ходатайства об аресте, указать конкретные объекты и подтвердить их связь с преступлением либо возможность обращения на них взыскания. При этом особенно важно соблюдать принцип соразмерности, не допуская чрезмерного вмешательства в имущественные права добросовестных лиц.

В процессе исполнения решения суда о наложении ареста на имущество следователь обязан контролировать точность и полноту реализации установленных судом ограничений. Он не вправе изменять характер ареста или устанавливать иные запреты, чем те, что указаны в постановлении суда. Однако следователь может инициировать отмену ареста или изменение отдельных условий в сторону их смягчения, если установит соответствующие основания, например, добровольное возмещение ущерба.

Особое внимание следователь должен уделять обеспечению сохранности арестованного имущества. Это предполагает не только изъятие и передачу имущества на хранение, но и определение надлежащего хранителя, контроль за его действиями и, при необходимости, инициирование смены хранителя. Здесь требуется координация с ОВД, со специализированными складами, с охранными организациями и банковскими структурами, когда речь идет о безналичных средствах. Недостаточность нормативной регламентации в этой сфере компенсируется именно активной позицией следователя, который обязан обеспечить реализацию принятых решений в практическом плане.

Кроме того, следователь должен быть инициатором судебного контроля при продлении сроков ареста, особенно если речь идет о длительном расследовании или приостановленном производстве. Именно он оценивает целесообразность сохранения ограничений, собирает соответствующие материалы и обосновывает необходимость их продления перед судом. Также следователь обязан реагировать на возможные нарушения прав собственников, контролировать длительность действия ареста и добиваться отмены необоснованных ограничений, особенно если имущество не имеет отношения к преступлению.

Важной составляющей механизма содействия следователю при применении данной меры является работа с гражданскими истцами и потерпевшими. Следователь, располагая полномочиями в рамках уголовного судопроизводства, содействует защите их имущественных интересов, обеспечивая арест имущества обвиняемого в пределах, достаточных для удовлетворения гражданского иска. Одновременно он должен учитывать права третьих лиц, не вовлеченных в совершение преступления, имущество которых может быть ошибочно арестовано, и добросовестно проверять их статус, чтобы избежать нарушений.

В этой связи эффективное исполнение меры процессуального принуждения в виде ареста на имущество невозможно без системной, координирующей и правомерной деятельности следователя. Он выступает не только как инициатор

меры, но и как гарант правомерности её применения, соблюдения принципа соразмерности, баланса интересов сторон, сохранности арестованного имущества и законности всех действий, совершаемых в рамках данной процессуальной процедуры.

При характеристике механизма исполнения иных мер уголовно-процессуального принуждения особое внимание следует уделить содействию следователя при применении **денежного взыскания** как одной из правовых санкций, направленных на обеспечение надлежащего порядка в уголовном судопроизводстве. Несмотря на формальное отнесение данной меры к компетенции суда, именно от следователя во многом зависит эффективность её исполнения.

Следователь инициирует применение денежного взыскания в случаях уклонения участников уголовного процесса от процессуальных обязанностей, воспрепятствования расследованию или нарушений порядка. Он собирает доказательства соответствующего нарушения, оформляет материалы и направляет их в суд, формулируя мотивированное представление о необходимости наложения взыскания. Тем самым следователь выступает как активный участник в формировании условий для поддержания дисциплины и законности в ходе предварительного расследования.

С учетом крайне низкого процента добровольной уплаты денежных взысканий, подтвержденного судебной статистикой [64], роль следователя особенно возрастает на этапе контроля за фактическим исполнением этой меры. После вынесения судом постановления следователь обязан обеспечить его реализацию путем надлежащей организации информационного сопровождения: уведомления адресата о содержании решения, разъяснения порядка и срока его исполнения, а также последствий уклонения от уплаты. Он может и должен использовать возможности взаимодействия с финансовыми органами и службой судебных приставов, инициируя возбуждение исполнительного производства в случае неисполнения постановления.

Следователь также участвует в контроле за исполнением взыскания путем получения и анализа информации о результатах оплаты. При поступлении сведений о неуплате он обязан своевременно направить соответствующие материалы в суд или иную компетентную инстанцию в целях инициирования процедуры принудительного взыскания. На практике это может быть удержание из доходов нарушителя, обращение взыскания на имущество или счет. Эти действия требуют тесного взаимодействия с ФССП, налоговыми органами и банками.

Нельзя также оставлять без внимания и профилактическую функцию, которую следователь выполняет, разъясняя участникам уголовного судопроизводства суть и правовые последствия применения денежных взысканий. Надлежащее информирование может способствовать добровольному исполнению и снизить уровень конфликтных ситуаций, связанных с их обжалованием и уклонением от уплаты.

Ввиду этого содействие следователя при реализации денежного взыскания выражается:

- в инициировании применения данной меры;
- в координации исполнения вынесенного постановления;

- в сборе информации о результатах уплаты;
- в возбуждении процедуры принудительного взыскания при необходимости;
- в обеспечении правовой информированности участников уголовного судопроизводства;
- в выявлении пробелов и инициировании предложений по их устранению.

Эффективное применение денежного взыскания невозможно без системного и профессионального участия следователя, который, обладая процессуальной инициативой и доступом к инструментам контроля, способен превратить формальную санкцию в реально действующий механизм процессуального принуждения.

Помимо координационной, организационно-распорядительной и надзорной функций следователь в условиях современной трансформации уголовного процесса должен играть активную роль в совершенствовании правоприменительной практики, правового регулирования и научного обеспечения предварительного расследования. Важнейшим направлением его профессиональной деятельности становится инициирование системных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, направленных на устранение выявленных в практике пробелов, противоречий и неопределённостей, особенно в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Именно следователь, непосредственно реализующий нормы уголовно-процессуального закона, сталкивается с многочисленными дефектами в правовом регулировании. К таковым относятся, в частности, отсутствие детализированных процессуальных сроков исполнения отдельных мер принуждения (например, сроков внесения залога или уплаты денежного взыскания), неурегулированность процедур уведомления о возложенных обязанностях, недостаточная конкретизация обязанностей лиц, содействующих исполнению этих мер, а также правовые последствия их бездействия или формального подхода к реализации поставленных задач.

Следователь, обладая уникальным прикладным опытом и полнотой процессуальной картины, обязан не только фиксировать подобные коллизии, но и формировать систематизированные предложения по их преодолению. Такая инициатива должна выражаться в обоснованных докладных записках, аналитических обзорах, обращениях к руководству следственных органов, подготовке предложений для органов законодательной власти, а также в экспертной поддержке нормотворческих инициатив.

При этом эффективная реализация обозначенных задач невозможна без постоянного профессионального и научно-исследовательского развития следователя. Он обязан стремиться к формированию высокого уровня процессуальной и правовой культуры, что предполагает:

- участие в проведении круглых столов, научно-практических конференций и семинаров, посвящённых проблемам применения мер уголовно-процессуального принуждения и роли содействующих субъектов;

- осуществление самостоятельной научно-исследовательской деятельности в сфере уголовного процесса, в том числе подготовку публикаций, диссертационных исследований, обобщение положений судебной практики;
- методическое сопровождение младших коллег и сотрудников правоохранительных ведомств, оказание им консультативной поддержки;
- инициирование ведомственных и межведомственных обсуждений актуальных проблем правоприменения, в том числе в форме рабочих совещаний и межотраслевых диалогов;
- участие в правотворческой деятельности следственного органа, формирование предложений для внесения изменений в инструкции, регламенты, методические рекомендации, служебные регламенты и иные подзаконные акты.

Особое внимание должно уделяться вопросам содействия при применении таких мер принуждения, как привод, обязательство о явке, временное отстранение от должности, подписка о невыезде и надлежащем поведении, наложение ареста на имущество, домашний арест, а также при исполнении мер, требующих привлечения органов дознания, УИИ, органов местного самоуправления, педагогов, представителей социальной защиты и других участников процесса. В этих условиях следователь обязан не только формировать запросы на содействие, но и обеспечить обратную связь, контроль исполнения поручений, своевременную коррекцию принятых решений и, при необходимости, привлечение дополнительных ресурсов.

Таким образом, современный следователь должен рассматриваться не только как реализатор уголовно-процессуальных полномочий, но и как активный субъект законодательной и научной инициативы, способный обеспечить поступательное развитие уголовного судопроизводства. Его профессиональное и научное совершенствование, сопряжённое с эффективным использованием механизмов содействия, составляет важнейшее условие реального достижения целей уголовного преследования, обеспечения прав и законных интересов участников процесса, укрепления доверия к правосудию и повышения эффективности правоприменения в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках уголовного судопроизводства применение мер процессуального принуждения представляет собой юридически значимый механизм, направленный на достижение целей уголовного процесса, предусмотренных ст. 6 УПК РФ, в том числе: установление истины, привлечение виновных к ответственности, защиту прав и свобод личности, а также обеспечение законности и эффективности предварительного расследования. Однако практическая реализация данных мер невозможна без качественного, системного и своевременного содействия следователю со стороны иных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие основные научно-практические выводы.

1. Содействие следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения представляет собой институционально значимую форму обеспечительной деятельности.

Содержание содействия выходит за рамки простой помощи и включает элементы тактической поддержки, процессуального исполнения, организационно-технического и правового обеспечения решений следователя. Его цель – обеспечить фактическую реализацию мер принуждения, которые сами по себе, будучи только зафиксированы в процессуальных актах, не обладают исполнительно-принудительной силой без участия других компетентных органов. Это делает институт содействия критически важным для эффективности уголовного преследования.

2. Эффективность реализации мер принуждения зависит от надлежащей межведомственной координации и регламентированного взаимодействия.

Следователь, выступающий как субъект, инициирующий применение принудительных мер, нуждается в постоянной поддержке со стороны органов дознания, ФСИН, УИИ, миграционной службы, медицинских и социальных учреждений, судебных приставов, оперативных подразделений и других субъектов, обладающих ресурсами и правомочиями по обеспечению исполнения процессуальных решений. При этом отсутствие надлежащих регламентов исполнения таких мер, как: привод (ст. 113 УПК РФ); временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ); наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ); денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ); домашний арест (ст. 107 УПК РФ); запрет определенных действий (ст. 105¹ УПК РФ), – приводит к фрагментарности исполнения и снижению авторитета предварительного расследования.

3. Требуется системное нормативное закрепление процедуры и содержания содействия следователю.

Действующее правовое регулирование необходимо считать фрагментарным. Сегодняшняя правовая база, представленная отдельными фрагментами в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, не охватывает всего спектра взаимодействия между следователем и органами, обеспечивающими исполнение мер принуждения. Это создаёт правовую неопределённость и снижает эффективность реализации следственных решений. В связи с этим необходима кодификация института содействия как самостоятельной обеспечительной формы, с установлением:

- субъектного состава содействия (органы дознания, ФСИН России, УИИ, судебные приставы и др.);
- форм и механизмов исполнения поручений;
- сроков, ответственности и порядка обжалования бездействия либо ненадлежащего исполнения;
- особенностей взаимодействия в условиях срочности или отказа.

4. Содействие должно сопровождаться действенными механизмами контроля, мониторинга и обратной связи.

Одной из ключевых проблем современной практики является отсутствие эффективных инструментов мониторинга по исполнению мер принуждения. Следовательно, инициировавший такую меру, должен иметь доступ:

- к сведениям о ходе её исполнения;
- информации о результатах и трудностях реализации;
- праву оперативно вмешиваться в случае нарушений или бездействия исполнителей;
- полномочиям на оценку адекватности принятых мер и выдвижение ходатайств об их изменении, замене или отмене.

Такой подход позволяет укрепить вертикаль ответственности и оперативно устранять препятствия к реализации решений.

5. Оказание содействия – не факультативная мера, а обязанность, подлежащая законодательному закреплению, равно как и ответственность за ее невыполнение либо ненадлежащее выполнение.

Можно констатировать, что содействие осуществляется в условиях критического дефицита нормативных предписаний. Важным направлением дальнейшего совершенствования законодательства должно стать нормативное определение границ и обязанности содействия. В настоящее время нередки случаи, когда под предлогом «некомпетентности» или «отсутствия полномочий» фактически игнорируются поручения следователя. Отсутствие правовых последствий за такие действия подрывает эффективность следствия. Необходимо ввести:

- административную и дисциплинарную ответственность за игнорирование поручений следователя;
- обязательную фиксацию всех этапов исполнения в процессуальных документах;
- систему ведомственного контроля за качеством содействия.

Таким образом, содействие следователю в применении мер уголовно-процессуального принуждения должно быть переосмыслено в фундаментальном качестве как элемента обеспечительного механизма уголовного судопроизводства, оно сопоставимо по значимости с функциями обвинения, рассмотрения и разбирательства уголовного дела по существу. Его развитие требует:

- комплексной нормативной базы;
- выработки межведомственных стандартов взаимодействия;
- включения стандартов в образовательные программы МВД России, ФСИН России, прокуратуры и иных органов;
- изучения соответствующих вопросов совершенствования;

– разработки методических рекомендаций и правовых регламентов содействия по каждому виду мер принуждения.

Методические рекомендации, представленные в данной работе, отражают необходимость перехода от формального исполнения процессуальных решений к модели ответственного и профессионального сопровождения мер принуждения, ориентированной на баланс прав, интересов общества и соблюдение принципов уголовного процесса. Только в условиях реального, институционализированного содействия следователю возможны полноценная реализация целей уголовного судопроизводства, установление справедливости, обеспечение правопорядка и доверия к правовой системе.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13 декабря 1957 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. 5 июня. № 23, ст. 2348.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Рос. газета. 2002. 27 июля.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Рос. газета. 2002. 20 ноября.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Рос. газета. 2015. 11 марта.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газета. 2001. 31 декабря.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: // Парламентская газета. 2001. № 241–242.
8. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газета. 2011. 10 февраля. № 28.
9. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Рос. газета. 1995. 20 июля.
10. Об органах принудительного исполнения Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ // Рос. газета. 1997. 5 августа. № 149.
11. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Рос. газета. 1999. 30 июня. № 121.
12. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // Рос. газета. 2013. 27 декабря.
13. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Рос. газета. 2011. 11 февраля.
14. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

16. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции Рос. Федерации от 4 июля 2022 г. № 110. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими: приказ МО Рос. Федерации от 20 октября 2016 г. № 680. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная и учебная литература

18. Алексеев Н. С. Участие общественности в охране общественного порядка и осуществлении правосудия // Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 167.

19. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 267–268.

20. Бalandюк О. В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 92.

21. Белоносов В. О., Громов Н. А. О соотношении задач и назначении уголовного судопроизводства // Право и политика. 2005. № 10. С. 98–102.

22. Божьев В. П. Уголовный процесс: учебник. М., 2006. С. 162–163.

23. Бойков А. Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. № 3. С. 64.

24. Бойков А. Д. Суд. Скорый, да не очень. Правый, но не совсем. Милостивый, равный для всех?.. // Российский судья. 2002. № 9. С. 7.

25. Бурлакова Я. Ю. Проблемы избрания и применения мер уголовно-процессуального пресечения, не связанных с лишением или ограничением свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. С. 58–59.

26. Вастьянова О. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2022. С. 62.

27. Вершинина С. И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 90–98.

28. Герасимов И. Ф. Криминалистика: учебник для вузов / И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкип, Е. П. Ищенко [и др.]; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М., 1994. С. 76.

29. Демидов И. Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе (Концептуальные положения). М., 1995. С. 41.

30. Демкина М. С. О содействии в рамках досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 52–55.

31. Денежкин Б. А. Взаимодействие органов предварительного следствия с другими государственными службами в борьбе с преступностью. Саратов: СГАП, 1997. 64 с.

32. Дербенев А. П. Взаимодействие следователя и органов дознания при расследовании преступлений. М., 1983. С. 56.

33. Еникеев З. Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа, 1988. С. 8.
34. Зажицкий В. И. О направлениях совершенствования уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 4. С. 28–35.
35. Замуруева Е. Ю. Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 13, 24.
36. Зусь Л. Б. Поручительство общественной организации как мера пресечения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1964. № 4. С. 109–110.
37. Капинус Н. И. Методы воздействия на лиц, вовлеченных в сферу уголовной юстиции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 77–84.
38. Капинус Н. И. Процессуальные формы содействия правосудию в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2017. С. 23–24.
39. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 16–17.
40. Комарова К. С. Защита от незаконного и необоснованного задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 26–27.
41. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред. С. П. Щерба // Университет прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2020. С. 182–185.
42. Кондрат И. Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 27–28.
43. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 19–20.
44. Куцова Э. Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность // Законодательство. 2002. № 9. С. 72.
45. Луценко П. А. Судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам: проблемы теории и практики: моногр. Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018. С. 84–85.
46. Медведев С. В. Применение и реализация мер уголовно-процессуального принуждения в отношении лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми: моногр. Новосибирск: Изд. ООО «СибАК», 2023. С. 37–38.
47. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 93, 102.
48. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во: «Азъ», 1992. С. 372.
49. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М.: Наука, 1989. С. 234–235.
50. Петрухин И. Л. Сущность и содержание уголовно-процессуальной функции содействия // Право и практика. 2021. № 5. С. 62–64.
51. Петрухин И. Л. Уголовный процесс: учеб. М.: Норма, 2020. С. 251–253.

52. Печников Г. А. О значении цели в судопроизводстве в свете диалектических взглядов Сократа и о презумпциях, фикциях в уголовном процессе // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 3. С. 348.
53. Романенко Н. В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения в отношении судей: проблемные вопросы законодательного регулирования // Мировой судья. 2017. № 11. С. 24–28.
54. Романенко Н. В. Проблемные вопросы института задержания лиц, обладающих статусом судьи. Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 3 (21). С. 117–121.
55. Россинский С. Б. Уголовный процесс России: курс лекций. М., 2007. С. 168.
56. Рохлин В. И. Новый УПК РФ: достижения и упущения // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 4. С. 12.
57. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учеб. для вузов. 7-е изд. / под общ. ред. А. В. Смирнова. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2018. С. 257–258.
58. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М.: Инфра-М; Норма, 1997. С. 132–133.
59. Ткачёва Н. В. Теория и практика применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 54–55.
60. Филиппова Т. В. Понятие и виды содействия, оказываемого органами дознания следователю // Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права. 2021. С. 297–300.
61. Цукрук М. В. Процессуальная деятельность органов дознания в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 165.
62. Чуниха А. А. Поручительство в системе мер процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 13.
63. Элькин П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 15.

Электронные источники информации

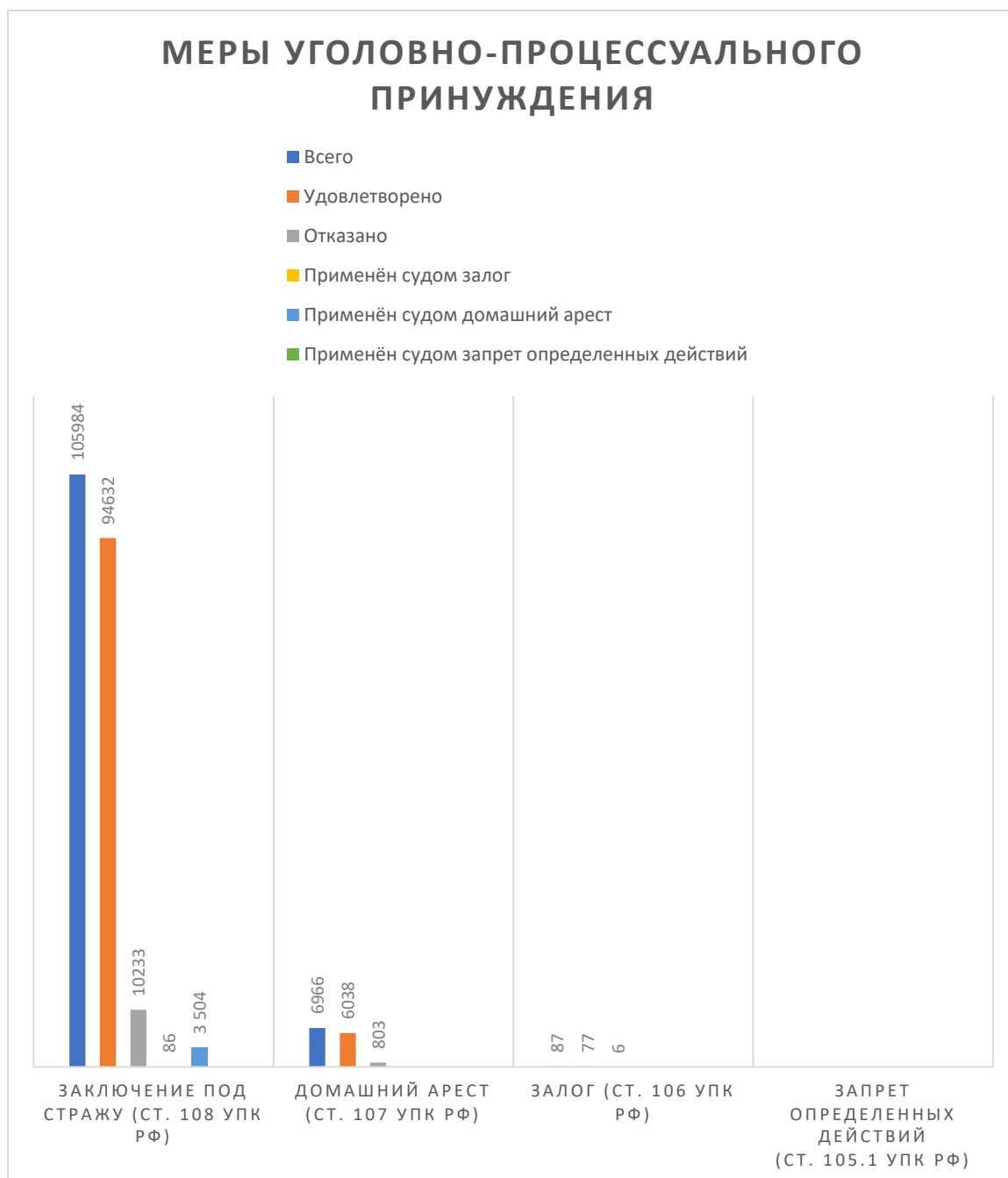
64. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации за 2019–2025 гг. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 15 января 2026 г.)

Приложения

Приложение 1

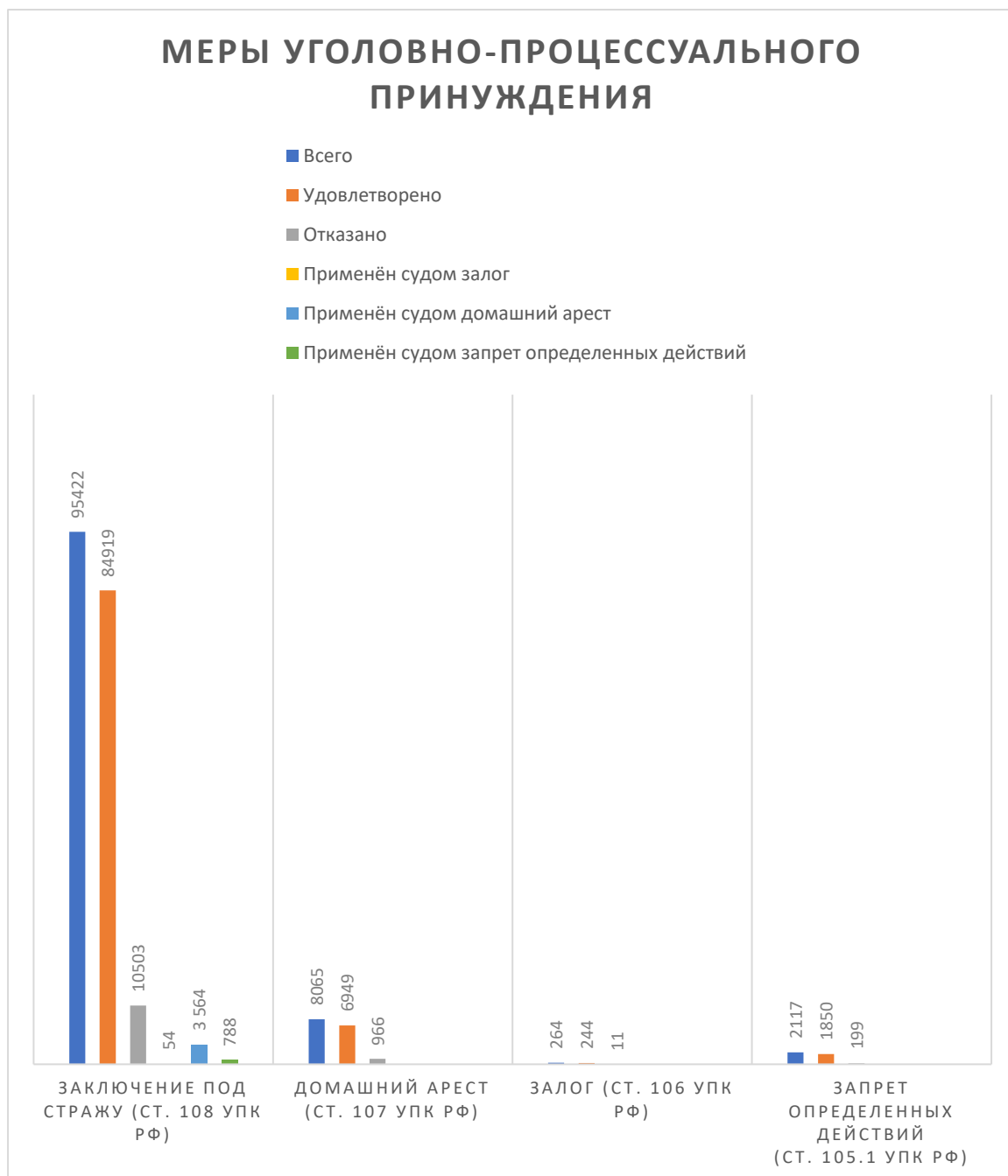
Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел первой инстанции

Разделы 4, 9. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) за 2019 год [65]

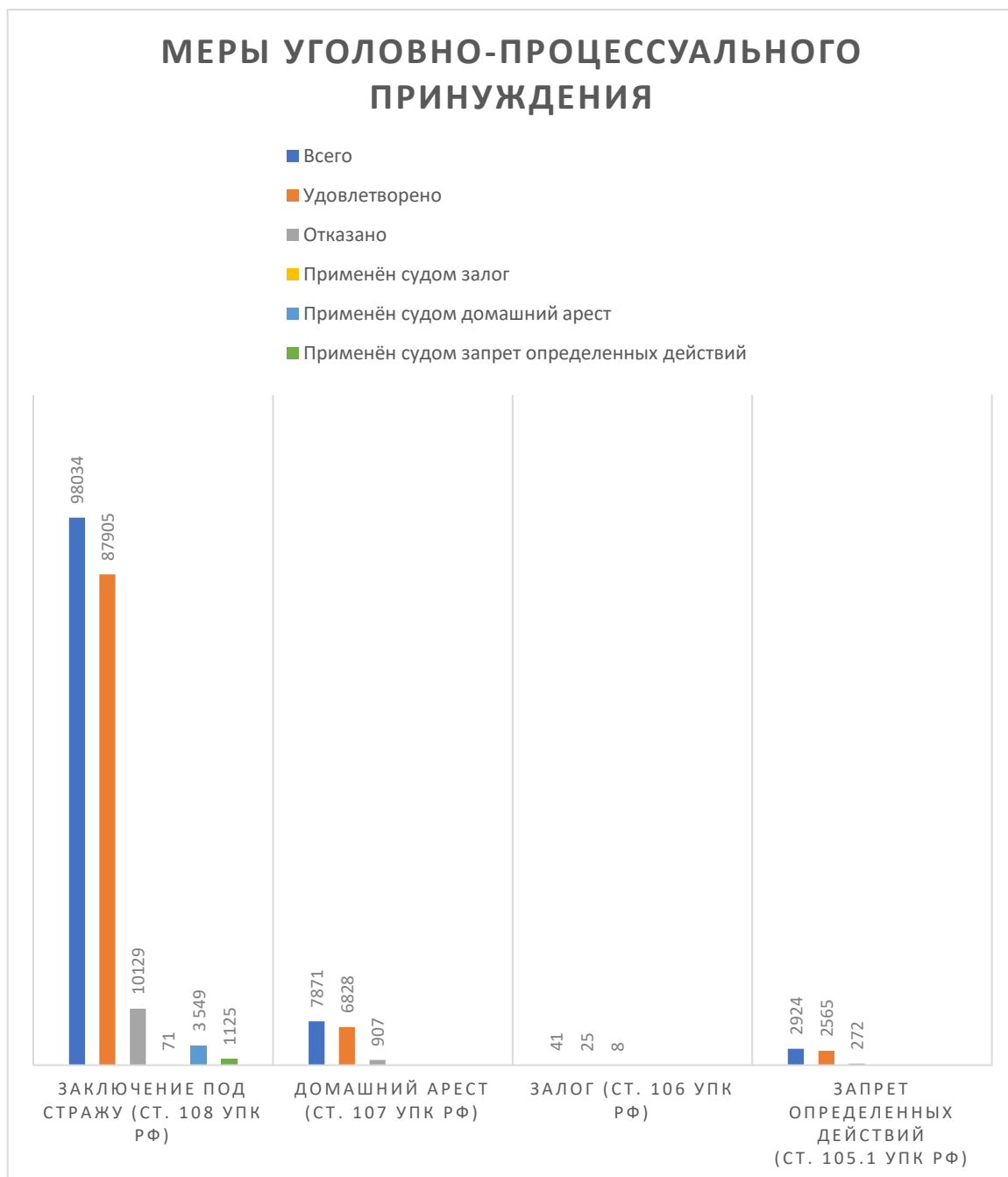
**Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению
уголовных дел первой инстанции**

**Разделы 4, 9. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб
(по числу лиц) за 2020 год [65]**

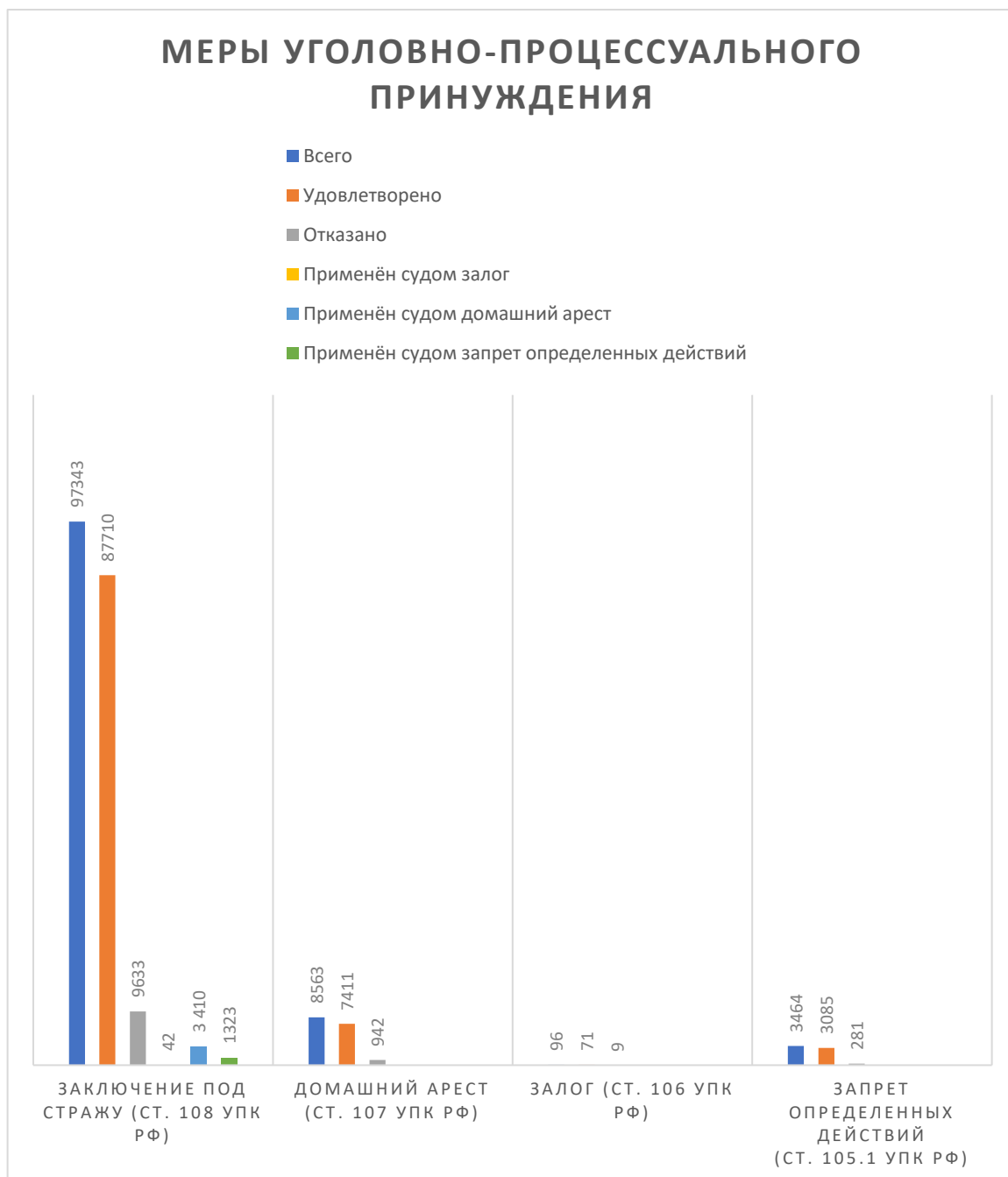
**Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению
уголовных дел первой инстанции**

**Разделы 4, 9. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб
(по числу лиц) за 2021 год [65]**

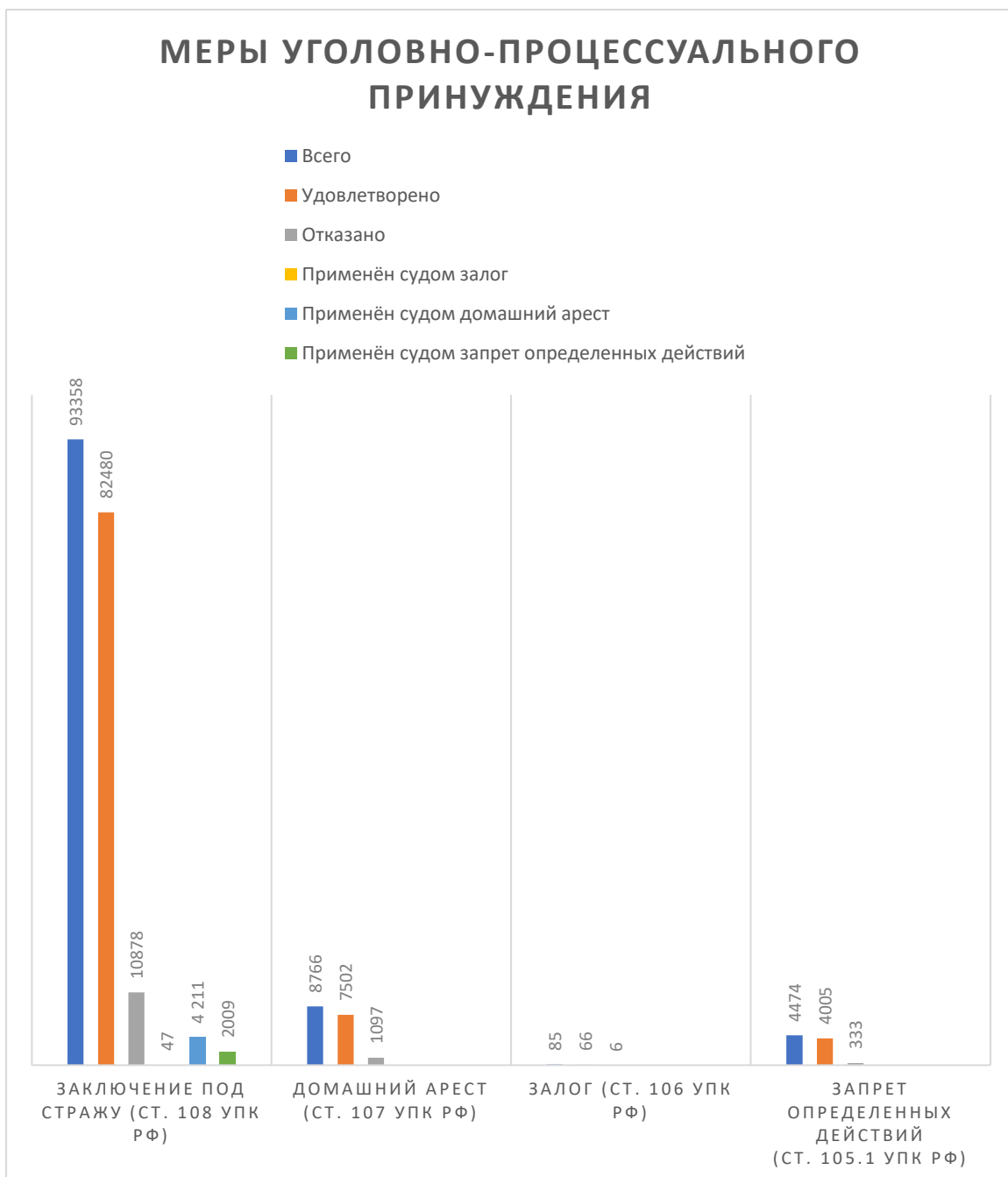
Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел первой инстанции

Разделы 4, 9. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) за 2022 год [65]

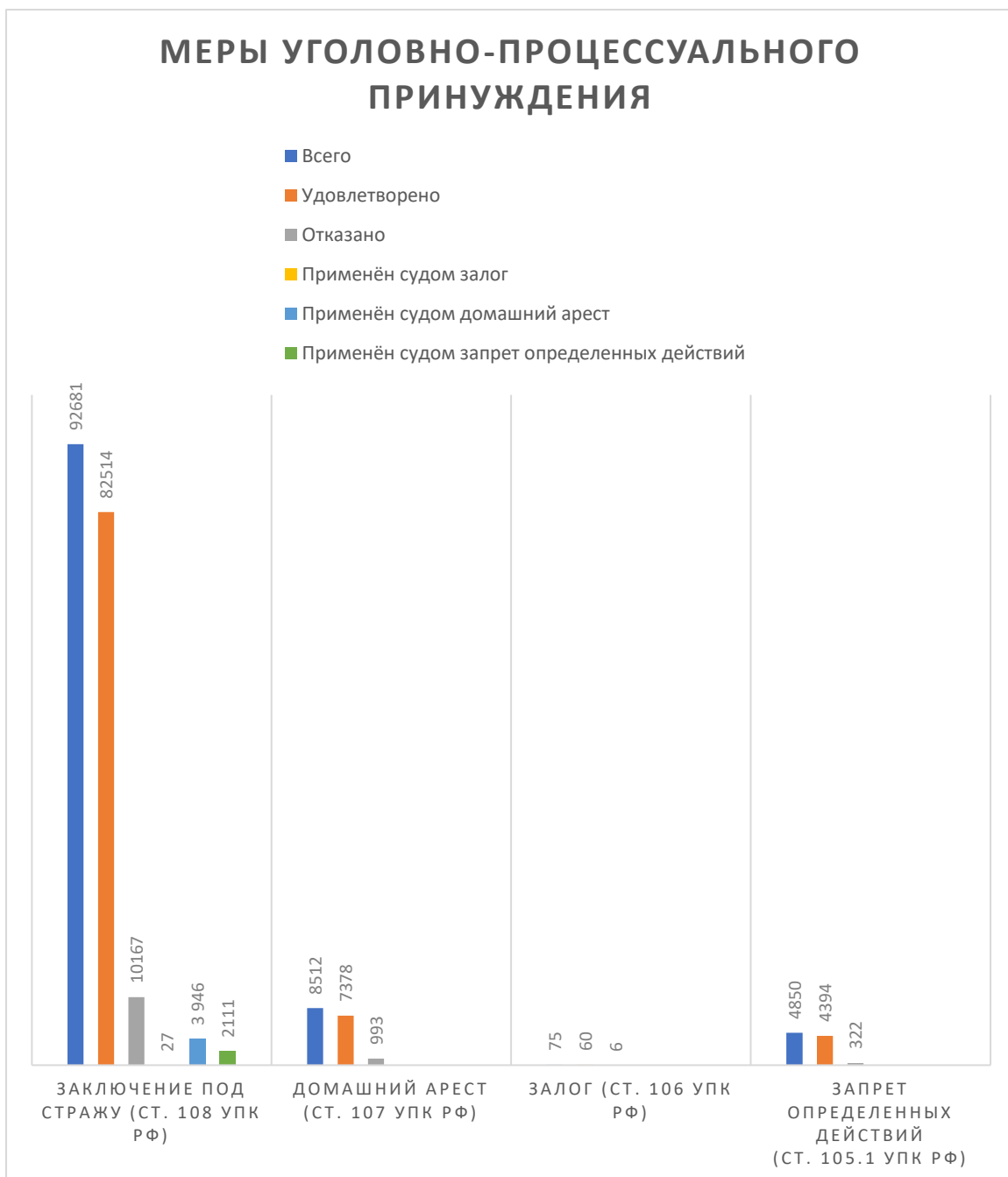
**Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению
уголовных дел первой инстанции**

**Разделы 4, 9. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб
(по числу лиц) за 2023 год [65]**

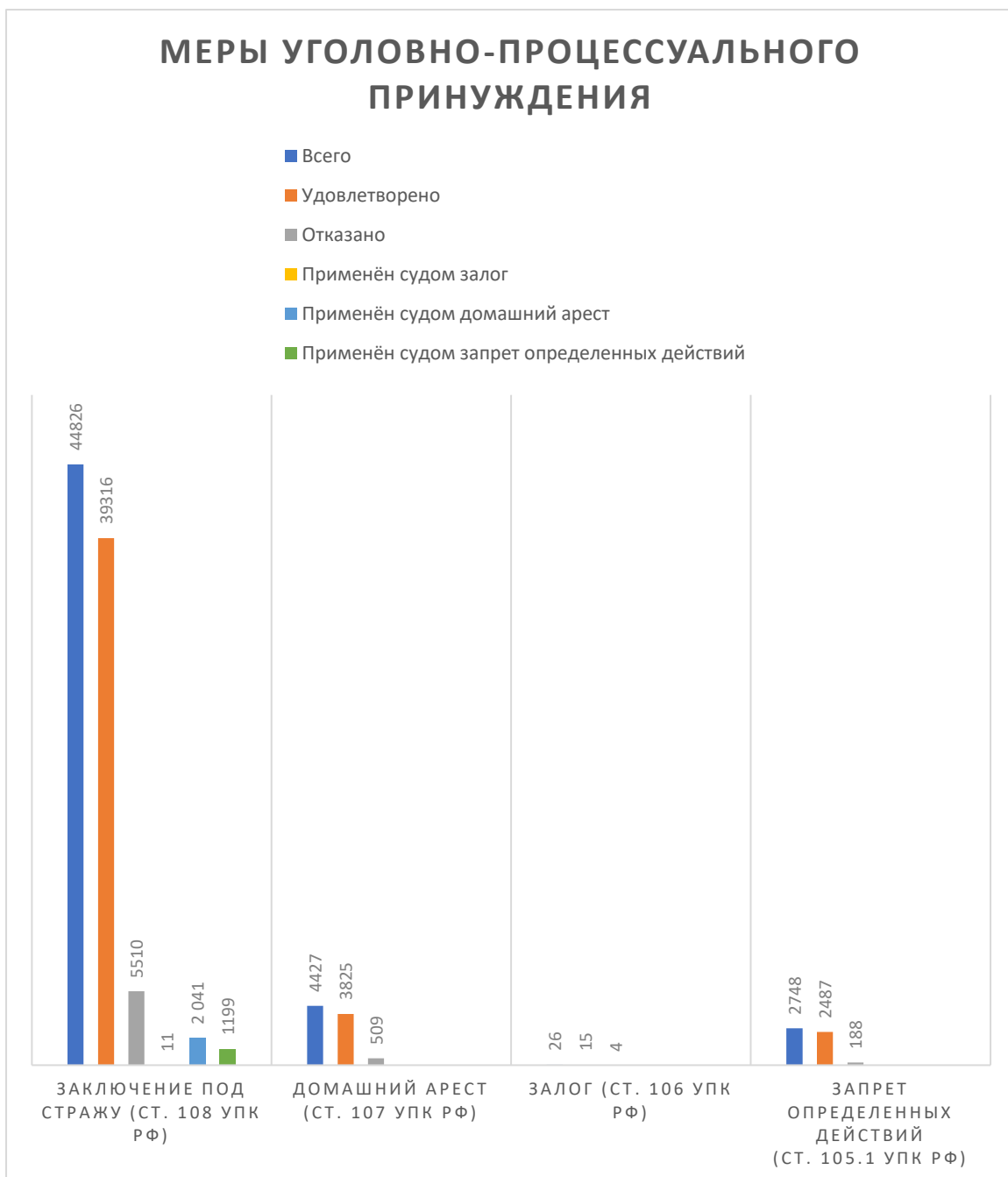
Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел первой инстанции

Разделы 4, 9. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) за 2024 год [65]

Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению
уголовных дел первой инстанции

Разделы 4, 9. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб
(по числу лиц) за 6 месяцев 2025 года [65]

Учебное издание

Каршиев Миролим Рустамович

**Использование следователем механизмов содействия
при реализации мер уголовно-процессуального принуждения**

Редактор *Н. Б. Хохлова*

Подписано в печать 11.02.2026.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 3,4. Тираж 70 экз. Заказ № 2.
Дальневосточный юридический институт МВД России
имени И. Ф. Шилова. Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.